

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНИ“
БАМ

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» БАМ

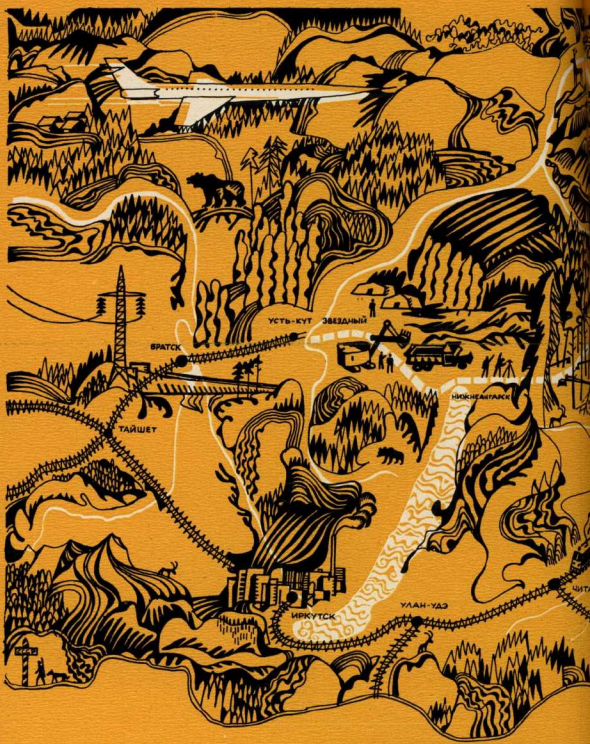
И вновь мы собираемся в дорогу...
Построены Магнитка и Туркисиб,
работают турбины Днепрогэса,
молодеет Комсомольск-на-Амуре,
и набирается сил
Нижневартовск на Оби...

Все эти имена —
символы героических дел
различных поколений
советской молодежи,
этапы комсомольской работы,
славные вехи
нашего строительства,
нашего пути вперед.

Сегодня перед комсомолом стоит
новая задача — БАМ,
Байкало-Амурская магистраль.
Принять участие в сооружении
дороги, которая свяжет
Сибирь с Тихим океаном,
которая заставит работать
на социализм недоступные прежде
богатства наших недр,
которая разбудит тайгу, —
дело чести каждого
советского человека,
почетный долг комсомольца.

Предстоит грандиозная работа,
и выполнить ее нужно
в намеченные партийные сроки.
Предстоят годы напряженного
самоотверженного труда.
Все эти годы журнал «Смена»
будет вместе со строителями
Байкало-Амурской магистрали —
в тайге,
где прокладывается трасса,
в горах, где строятся туннели,
у рек, где возводятся мосты...

Этот номер журнала мы целиком
посвящаем
испытателям
и строителям
Байкало-Амурской магистрали,
всем, кто сегодня
работает на БАМе.
всем, кто сегодня работает на БАМ.

ДЕЛО КОМСОМОЛЬСКОЙ ЧЕСТИ

Номер подготовила
выездная бригада «Смены» в составе:
Анатолий БАРАНОВ, Юрий КАЛЕЩУК,
Альберт ЛЕХМУС, Сергей СМОРОДИН,
Лина ТАРХОВА.
Все фотографии номера
выполнены Альбертом ЛЕХМУСОМ.

Редакция благодарит партийных,
советских, комсомольских работников,
строителей, изыскателей,
вертолетчиков, шоферов, речников,
железнодорожников — всех,
кто ложится нашим товарищам
в выполнение
редакционного задания.

Дмитрий ФИЛИППОВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

нашний этап жизни и деятельности Ленинского комсомола прежде всего его активным участием в сооружении грандиозного, невиданного в истории объекта — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. «Строительство этой железной дороги, которая прорвет сибирский мрак с его неисчерпаемыми природными богатствами», — говорил Л. И. Брежнев. — открывает путь к созданию нового крупного промышленного района: вдоль нее вырастут поселки и города, промышленные предприятия и рудники, разведутся, будут вспаханы и пущены в сельхозоборот земельные участки и новые земли...

Разве это не вдохновляющая перспектива для многих тысяч наших молодых людей? Молодежь, все комсомольцы восприняли эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС как яркое проявление большого доверия, уверенности Коммунистической партии в том, что юношам и девушкам нашей Родины по плечу самые трудные, самые ответственные поручения. XVII съезд ВЛКСМ закончил в своей резолюции:

«Сооружение этой дороги — дело чести Ленинского комсомола, всей советской молодежи, продолжающей славные традиции первооткрывателей Днепротрасса и Магнитки, покорителей целины, Ангары и Енисея. Съезд заверяет Коммунистическую партию в том, что комсомольцами, юношами и девушками приложат все силы для выполнения этого почетного поручения».

Комсомольцы не ищут легких путей в жизни. Они всегда на переднем крае борьбы — там, куда зовет их за собой партия, где нужнее всего их знания, знания, молодая сила. И сегодня на Байкало-Амурской магистрали, объявленной XVII съездом ВЛКСМ важнейшей Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, самоотверженно, по-ударному трудятся уже несколько тысяч комсомольцев. А по всей стране в коюнитеты комсомола продолжают идти потоки заволашеванных с просьбой поехать на самые сложные участки строительства магистральной.

Строитель БАМА можно с полным правом назвать наследниками и продолжателями героических трудовых традиций советского народа. Нашему поколению молодых строителей коммунизма досталась дорогое

наследство — немеркнущие революционные идеалы отцов, их рабочая завллка и богатейший трудовой опыт. И в этом — источник силы юных патриотов.

БАМ. Сегодня это звонкое и энергичное слово произносится как символ гигантской стройки, протянувшейся от Тихого океана до берегов Байкала. Дорога пересечет Иркутскую, Читинскую, Амурскую области, Якутскую, Бурятскую АССР, Хабаровский край. Ни одна страна в мире не строила еще в условиях вечной мерзлоты железной дороги такой протяженности. Уже сегодня ее по праву называют «стройкой века».

БАМ должна будет полностью открыть народному хозяйству страны огромные, пока еще не использованные богатства Восточной Сибири и Дальнего Востока. Не случайно трасса проложена в непосредственной близости от мест, где геологам от-

мечены залежи полезных ископаемых.

Перечисление лишь некоторых из них уже дает представление о значении БАМА: 650 километров трассы пройдут по территории, богатой природными ископаемыми. Рядом со строящимся Северо-Мукомским туннелем находится залежь волюкинского асбеста. Удаканское месторождение на многие годы сможет обеспечить медью сибирские заводы. Трасса БАМА: Тянда — Беркажит свяжет промышленные центры с запасами ископаемого угля. Причем эти пласты расположены так близко и поверхностно, что разработку их можно будет вести открытым способом.

Придя из Кремлевского Дворца съездов на БАМ отправился первый Всесоюзный ударный комсомольский строительный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Много уже сделано: появились первая линия в поселке Магистральный, который строи-

Рисунок Михаила ПАПЛОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

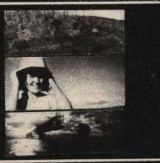
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРА — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 (1141)
ДЕКАБРЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ
ТРИПТИХ —
ТРАССА В ТАЙГЕ;
ТЫЖДА СТРОИТСЯ;
МОСТ ЧЕРЕЗ АМУР.

4
ЗВЕЗДНЫЙ.
НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД.

7
ТЫЖДА.
СУДЬБА ИЗЫСКАТЕЛЯ.

16
ЯНКАМ.
ПОЗАДИ
ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ.

ПОГЛЯДИМ НА ДОРОГУ

26
«ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ»
И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАУКА: ФИЗИКА. ТРИ РАЗГОВОРА И ЯМ

**КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
СЕМЬ ХОЛМОВ НАД РЕКОЙ**

**ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР
КОНСТАНТИН БЕСКОВ: Я ВЕРЮ В ФУТБОЛ**

**ХЛЕБ САРАНПАУЛЯ.
ЗАГАДКА ТАЕЖНОЙ ПРИСТАНИ**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЈА: В. С. Абшын, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Понедельнов, Р. И. Роддественский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семьяков, А. П. Сердюк, С. С. Смирнов, А. В. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будинина

ся на 167-м километре трассы БАМА. Девять домов, образующих улицу, столовая, три общежития — все это создано бригадой Мисаэля, в которой трудятся 18 юношей и девушек разных национальностей. Ребята настолько втянулись в работу, что считают неудачным день, если работа не выполнена полностью. Своим самоотверженным трудом они доказывают, что им не страшны суровые климатические условия и временные лишения. Отличных результатов в работе на западном участке трассы добились бригада лесорубов из строительно-монтажного № 26, которую возглавляет делегат XVII съезда ВЛКСМ Леонид Сердюк. Пример высокопроизводительного труда показывают бригады делегата XVII съезда комсомола Героя Социалистического Труда Виктора Лякова, Зубра Нахалова, Виктора Уварова, Валентина Щеглова и многих других.

Шаг за шагом ведут наступление комсомолцы на непроходимую сибирскую тайгу. Уже уложены первые километры железнодорожных путей. Но это только начало. Впереди непопыхая край работы. Кроме самой трассы, надо еще возвести противосопутствующих сооружений — дома для строителей, заводы, мастерские, объекты торговли, соцкультбыта, станции будущей дороги.

Тем, кто идет вперед, кто пришел в необжитые места, чтобы «строить и мечь в сплошной лихорадке будней», никогда не бывает легко. Перспективы БАМА знают, что такое болевые точки, гусь, что такое люта я стужа и произрастающие зимние ветры. Но спросите у любого, кто приезжал в эти края по путевке комсомола, счастливы ли они, и каждый ответит: да, счастлив! Потому что с тех пор, как молодой человек или девушка появились на трассе, для них начался новый отсчет времени. БАМА стал для них первым свиданьем с настоящей жизнью, жизнью, в которой открывались прекрасные возможности выразить и утвердить на деле свое «я».

С него начинается подвиг в мирное участие в деле, которое служит интересам государства, народа. С осознания величия планов, которые партия решает претворить в жизнь. В этом смысле можно без преувеличения сказать, что массовый трудовой подвиг на строительстве Байкало-Амурской магистрали уже начался. Здесь происходит духовное возмужание молодого человека, закаляется его характер, расширяются высокие моральные качества.

Среди пионеров БАМА, конечно же, очень много романтиков. Но не тех, кто удовлетворяется романтикой туманов и запаха тайги. Нет, магистраль строит молодежь, иная, которая романтика труда, инициативы, поиска. Романтикам 70-е нужны истинная масштабность, настоящие большие дела, в результате которых на земле остаются города, заводы, фабрики, железнодорожные магистрали.

Великая стройка, еще только начавшись, уже стала замечательной школой воспитания коммунистического отношения к труду. И не только для комсомольцев самого БАМА. Заслуживает поддержки обращение ко всем молодым труженикам страны, с которым выступили комсомольские организации Минского и Красноярского автомобильных, Челябинского тракторного заводов, заводов дорожных машин завода Колосово, Южно-Уральской железной дороги, проектных институтов «Мосгипротранс» и «Ленгипротранс», Московский швейной фабрики спецдефекты, Кировской деревообрабатывающей фабрики. Ветские повзрослы. Они стали инициаторами работы под девизом «Заказы для БАМА — дорочно, с высоким качеством и повышенной на-

дежностью». Вслед за обращением в комсомольские организации молодежи промышленных и транспортных предприятий, научных и научно-исследовательских институтов, осуществляющих изготовление и поставку машин, механизмов, оборудования, материалов и конструкций, разработку технических проектов, проведение социалистического соревнования за дорочное и качественное выполнение заказов для Байкало-Амурской магистрали. С каждым днем комсомольские организации, берущие участие в строительстве, становятся все больше — участие в сооружении трансбиринского стального пути стало делом привычным для всего комсомола. И планы ЦК ВЛКСМ утвердил план мероприятий по шестому комсомолу над строительством БАМА. Надо теперь добиваться, чтобы это шестое отличалось высокой ответственностью, способностью ускорению темпов строительства магистрали.

Перед комитетом комсомола страны, перед комсомольскими организациями, предприятиями-поставщиками ежедневно возникает множество производственных и организационных вопросов, от учебного решения которых зависят результаты годовых производственных планов и заданий по сооружению трассы. Особый вопрос — кадры. Сегодня стране нужны не просто рабочие, а грамотные, высококвалифицированные специалисты. Комитетом комсомола научно-исследовательских институтов и вузов необходимо всемерно способствовать привлечению к работе на БАМА молодых специалистов, лучших представителей студенческой молодежи. В этом деле есть хорошие примеры. Так, с ценной инициативой, одобренной комсомом ВЛКСМ, выступил коллектив студентов и преподавателей Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. Новосибирцы взяли на себя организацию курсов повышения квалификации инженерно-технических работников БАМА, проведение технической консультации ведущим учебным подразделением в строительстве. Для рабочих магистрали будут организованы пункты подготовки и поступления в вуз, начат работать подготовительное отделение. Комитет ВЛКСМ института планирует регулярно направлять на строительство антипода, студенческие агитбригады. Уже сегодня на магистрали трудятся более 70 молодых специалистов, окончивших институт в 1974 году.

Нельзя забывать и о духовных потребностях молодой армии строителей. Комсомольские комитеты должны привлекать максимум усилий для организации интересного культурного отдыха бамавцев. Пусть все лучше, чем богато наше искусство, наша культура, будет доступно людям, работающим в великой стройке.

В конце сентября на БАМ выехал крупный отряд добровольцев-строителей, в который вошли лучшие из лучших представителей рабочей гвардии Москвы. Вслед за ними на строительство трассы отправятся новые отряды, сформированные во все союзных республиках, областях и краях нашей страны. Уверен, что по своим комсомольской работой они навсегда впишут свое имя в историю гигантской стройки.

Байкало-Амурская магистраль берет разбег. Впереди у нее захватывающие перспективы. И, какие бы преграды ни встретились на пути строительства, нет сомнения в том, что они будут преодолены. Потому что строить БАМ все страны, потому что строить БАМ дружным, боевосообразным комсомольским коллективом, развивающим свои силы в трудовом и творческом соревновании с трудом новую замечательную страну в летопись героических дел Ленинского комсомола.

27 апреля в Ярославском вокзале Москвы на восток ушел специальный эшелон (см. «Смена» № 14, 1974 г.). В эшелоне к берегам Лены и Амура ехали бойцы Вессоюзного ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Ребята из Москвы и Ленинграда, из всех союзных республик ехали строить Байкало-Амурскую железную дорогу. Триста бойцов — половина отряда — высадились весной в тайге на западном участке БАМа, в нескольких десятках километров от Усть-Курта. Другая часть отряда приехала на центральный участок строящейся магистрали — в поселок Гумилевский.

Прошло несколько месяцев, и мы рассказываем, как живут и работают комсомольцы поселка Звездный, строящие дорогу на западе, в приленской тайге.

Славянский шкаф

Первое, что я вижу, выпрыгнув из вертолета на бревенчатый настил площадки,— школьные парты, желтые, как солнечный день. Парты громоздятся рядом с вертолетной площадкой, и за одной из них сидит бородастый парень и перематывает портянку. Если бы не эти неожиданные парты да рояльные последние листья березы, чувство такое, будто я не уезжал из Звездного: как и весной, в пелене сполозающего тумана, тагла тайга; под палубной височью моста неслась коричневая Твора, а по ее берегу бегал бесостовый щенок с розовым бантом вместо ошейника и лапал на воду. Такой же щенок, только меньше и без банта, провожал лаяв майские последние альпаны.

— Нет, ты глуп! — кричит бортмеханик, с которым я летал в Звездный еще весной. — Нет, ты видишь, а? Видишь?

Он машет отверткой, как кинжком, в сторону сполозающего к Тавре тумана.

— Сейчас «окно» закроется, а где грузчики? Опять нам разгружать? Не успеем.

Бортмеханик говорит, ни на кого не глядя, вроде как самому себе, но говорит громко, потому что лоскати над нашими головами без передку стригут воздух. Худенькая женщина, больше похожая на девочку, стоит рядом. Она приметела с нами, уприсв взяла еще и багаж, и сейчас все идет кого-то глазами, прикрывая ладошками живот.

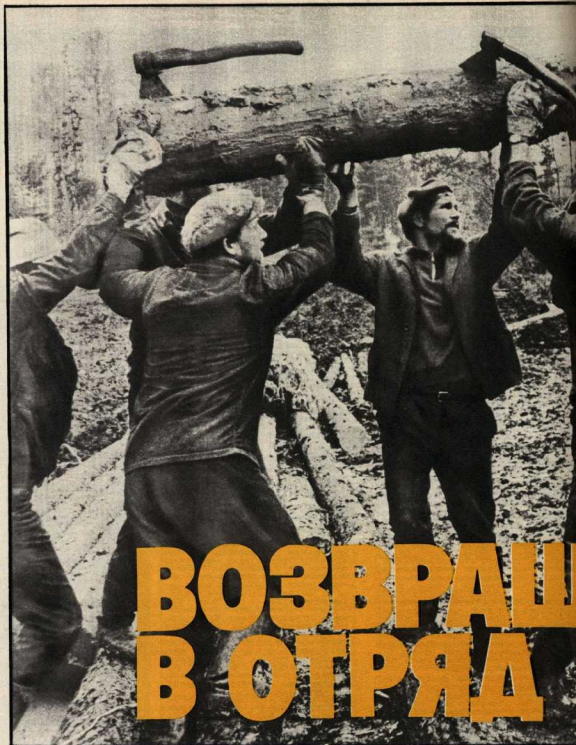
— Я же Коле телеграмму дала,— говорит женщина и вопрошительно смотрит на нас.— Из Житомира дала. Потом из Братска. А вчера из Усть-Курта. Не жет Коля не получает...

— Квитанция есть? — быстро спрашивает бортмеханик, и его глаза смеются.— На чью фамилию давали? Может, Волконскому случаем? — Какому Волконскому? — обижается женщина.— Я мужа фамильно звала. Савельева я по паспорту.

— Ну, раз Савельева...

Бортмеханик кричит парню с бородой: «Давай сюда, отличник! Савельева к мужу в Сибирь приехала! Помочь надо!»

Бородач заторопился, сунул ногу в сапог, и через мигновение мы тащим из чрева вертолета кирпично-красную диван-кровать, играющую никелем стиральную машину, корыто, в котором лежат книги по электротехнике, цветущий розан в кадочке, репродукции с картины «Последний день Помпеи» и какие-то мешки, мешочки, свертки, картонные коробки, ящики фанерные и ящики деревянные, чемоданы, узлы, баулы, корзины и мотучие стеклянные банки, полные варенья. Худенькая женщина руководит нами решительно и похожа уже не на девочку, а ско-

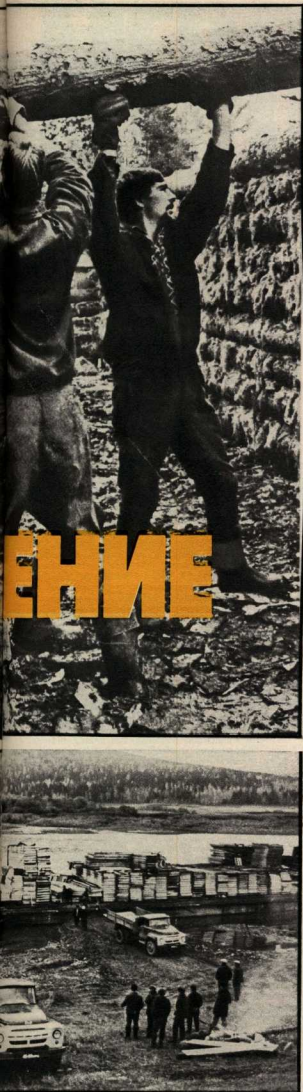

ВЕРНУТСЯ СИБИРСКАЯ ИЗБА. В САМЫЕ КРЕПКИЕ МОРОЗЫ БУДЕТ В НЕЙ ТЕПЛО.

НА УРОКЕ В ВЕЧЕРНЕЙ ШКОЛЕ.

ОТ БЕРЕГА ЛЕНЫ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА ДО ЗВЕЗДНОГО.

рее вспоминает опытного бочоначальника, крепко держащего в руках пикара сжатию. И когда мы недалеко тащим шапка, известный всей стране и, кажется, за ее пределами под именем «славянского» и царским дюрцу, достается бортмеханику и бордону, и мне.

— А вон вроде и бедный Коля,— толкает меня в плечо бортмеханик, и глаза его загораются бесовским огнем.

И вижу, как по сколкому гашинтону кочегору летит парень, размазав руками.

— Коля, где же ты ходишь!— кричит молодой женщина.

Да я с утра... Все ждала... Ждала... Вот только пресс пошел,— бормочет Коля, злобно поводя антипы плачами.

— Ну, братцы, пометела я,— говорит бортмеханик.— Пометела, пометела.

И повелел голос добавляет: «Пометела еще ни на одной промышленной карте нет по причине малочеловечества, а шапки вертолетами везут. Во жизнь пошла».

Он ширнет в машину, злобует дверей, успевая махнуть на прощание руками, и МИФ прощадает за ближайшей сошкой. А мы с пластником Васей Петрусовым, которого, оказывается, я тоже знаю с весны, да только не признаю сразу из-за городов, слышим, добавляет: «Пометела еще ни на одной промышленной карте нет по причине малочеловечества, а шапки вертолетами везут. Во жизнь пошла».

Он ширнет в машину, злобует дверей, успевая махнуть на прощание руками, и МИФ прощадает за ближайшей сошкой. А мы с пластником Васей Петрусовым, которого, оказывается, я тоже знаю с весны, да только не признаю сразу из-за городов, слышим, добавляет: «Пометела еще ни на одной промышленной карте нет по причине малочеловечества, а шапки вертолетами везут. Во жизнь пошла».

— Я тоже в школу записался,— сказала Вася только в девятый. За десятый голова еще плохо умрет...

Он улыбается.

— Школа у нас тут была главный объект. Только и разговоров: просека да школа. Я лично несколько раз и ночевал в этой школе: полны вставала. Ну, сдалось все. Даже помы подосок. Значит, митинг. Лучшие бригады первоклассники. Идут на руки поднимая и с ней через порть перешли. А девочки прочли в колокольчик. Колокольчик, между прочим, вальсайский. Где его только в тайге раскопали...

Я слушаю Васю, поглядывая на парня, сидящего перед нами, и вспоминаю города на берегу Амгура и сегоду уже человека Михаила Николаевича Спальва, строившего города.

Школа дах тех ребят, высадившихся в тайге, тогда был главным объектом. Как и стартерфиде. И строили каминную школу парни, которые сами зимовали в землянках и шалашах. Строили питей в алтык, среди которых каждый второй был малотомный, а каждый третий вовсе неграмотный и не разумея. И я представил на митинге, что если бы тогда кто-нибудь сказал, мне придет время и в тайгу на вертолете придет роса и лядско и шапка, и не знаю даже, кто ответил бы комсомольцем такому «шутнику». «О вертолетах тогда еще и речи не было, а самолеты,— вспоминал Михаил Николаевич,— встрелили в Сибири и на Дальнем Востоке немцы селамы».

Тогда, сорок с лишним лет назад, в те первые бесстрашные и юростные пяталетки, когда судьбу страны, судьбу народа решала зачастую мускулатура людей, первостепенным делом считался предмет время, и мы будем начинать стройки на совсем другом уровне. Об этом времени мечтал и Михаил Спальва и его товарищи, когда в тридцатых годах в замке Ивана Бердяева — главного инженера Кузнецкстрое — бани и пекарни, магазины, столовые — это далеко не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей...

Первое звено. Главное звено.

И сегодня в Звездном, на шестидесяти километре БАМа, был — первое дело, главное дело. Гигантская стройка начинается с дороги и связи, школы и бани, магазин и котельных. В таком поселке, которому от нуля не прошло и месяца, можно повысить одежду в химистке, завезти костюм в ателье и сфотографироваться в новом костюме для любимой. Так и должно быть. И мы не удивляемся, когда вертолет,

правда, в виде исключения, привозит славянский шапка, чтобы приветом Коле Савельеву и его жене удачно, а лучше и конечном существом — Афанасию Звездному.

У Колшанного ручья

И опять я на новом месте. В тайге, в бригаде Ивана Аркеака, километр в двадцати от Звездного, если считать по прямой. Но кто в тайге ходит по прямой? Здесь почти у каждого участка пути свое название: «проезд», «бульдозерная тропа», «чуть». Новейшая гусеничная строительная сплотакалась у пней и валунов, въезжая в ручьи и реки, прошла эти двадцать с чем-то километров за три часа с четвертью. И это быстро проделано: несколько дней ее создавали.

— Приехали Адам,— встретила меня Иван Аркеак, будто само собой разумеется, что несколько тысяч километров в проезд специально, чтобы поздравить именно сюда, с одной стороны устья Колшанного ручья. И с ходу разговор заходит о транспорте.

В пути мы встретили брошенный транспортёр. «Брошенный пометела», объяснил водитель. — И трехсот километров к набега. Мой, между прочим, тоже еле дышит».

Забегая вперед, скажу, что водить как в воду гамала: через дель встала и его машина. Помятые из дождя вывалились на дороге. Несколько дней ребята, работавшие на просеке, были отряжены практически от Звездного. Вертолеты не летали из-за плохой погоды. Самым необходимым можно было доставить только в грузовиках.

Выносившую маневренную, самую и, главное, пригодную для эксплуатации в тайге занесшую машину ждал БМ. Гусеничные транспортеры, вполсилки по названию, в которых мы сейчас находимся, были в Звездном. И все это, к сожалению, было испытано на себе в Звездном. Сибиряки об испытании являлись в Звездном. Выбиратель, возможный пробыра настоящего вездехода. Эта бездорожная машина напоминает мутную корку, прижатую к грунту и сметая подлипающую при движении. Выбиратель свободно проходила через болота, пни, завалы и т.д. Может, именно эта советская машина и должна прийти на БМ? Прийти, чтобы пометела, строительным предметом сотни и сотни километров тайги.

Об этом мы говорим с ребятами, которые встретили меня. Бригаду я знаю еще с весны. Была в ней, когда мы только вышли на просеку. Начиная азартно, потому что там уже тогда был в поселке сокучался по настоящему. И азарт этот не прошел. Из двадцати с лишним бригад, разбросанных на десятках километров просеки, бригада Аркеака одна из лучших и надежных. Это очень и очень важный фактор в тайге: надежность. В соседней бригаде случился такое: божь бежал. Построил палат и самосплавом пошел по Такро к Лени. Он останавливался по пути в таежных деревнях, рассказывая о перенесенных трудностях. Наверное, сибиряки, выросшие в зешних местах, слушая его из просеки бездельности. Они кормили парня, свито блоду да за закон тайги, что кто где уже тогда был отчаявнее бегали,— известно только им. «Плотогон» добрался до Лени и несколько дней «выступал» в привокзальном буфете, выжимая у слушателей смеху, а в слушательском похорончике. Шай дни. Товарищи «плотогон» в изрядной мере и узнали, что он жив и здоров, продолжал рубить трассу. А бегали все слуховки по радиоприему. Не реламся, уехать совсем. Потом он написал повинное письмо и попросил, чтобы взяли его обратно. Письмо обсудили и решили: не отвечать.

На пути в Усть-Куту рассказывали, что парня недавно дама отдала отчет, привезла, вынул из в день к окочухе «до востребования». Не было ответа ни на второе письмо, ни на телеграммы. «Плотогон» отбыл в конце концов в свой прекрасный кошачий город, где он не работал и без тех нескольких, кто сбжеали не столь романтично, сделали свое дело — пробояли трассу. Пробоял, выдержал и простую человеческую устойчивость и мораль, и ответственность, и откровенность от Звездного, где в то время стояли палатки, но где было кино, были танцы, были футбольные матчи и конверты приезжих артистов своих самодеятельных. В эти первые, первые недели месиды они вымерзали в воросах, нежиды и ленинградцы, тибансы и аматиты, рьяные и тащенталы... И вот она, трасса, словно игра, бегает сквозь тайгу. Трасса, пробуренная в тайге, окутанная туманом, туманом. И когда идешь по ней, повторяя ее изгибы, перелезая через завалы, хлопая в болота, оскальзываясь на крутых бобах сопки,— понимаешь, как

А ЗЕМЛЯ

Кругозор современника

«— Значит, и ползаз от дороги есть?»

— Ну, так как же! Давно ли работать, а гляди, все села оноло нее городов становится».

Этот диалог двух крестьян из «Судолки провинциальной жизни» Гарина-Михайловичского невольно вспоминается в Тындинском. Тындинский, Тынды — серый круг земли в пушистом золотом молье осенних сопок. Прочные бревенчатые избы, исполненные архаичной решимости выстоять в окружении глухой тайги на вечной мерзлоте...

Сотни поездов везут грузы для безвестной прежде поселка. Со всех концов страны прибывают сюда люди, которым кажется, что они сейчас нужнее всего именно здесь... Звучит разная речь, режут машины. Местные жители ощущают себя как бы в эпицентре землетрясения. Все правильно, так и должно быть: по селу становится в городом.

В Тынды работает человек, который имеет к этому столпотворению не только прямое отношение, а и в некотором роде является его причиной. Зовут его Александр Алексеевич Побойкин. Он москвич, хотя живет в Тынды по восемь месяцев в году, как прежде месяцами, а то и годами жил у берегов Тихого океана, в пустынях Монголии, в болотах Тюмени, в тайвных дубрах Сибири, на Байнуре, среди льдов Заполярного Урала.

Сейчас Александр Алексеевич Побойкин возглавляет экспедицию Московского университета по изучению дельты БАМ на восток от Тынды.

— Александр Алексеевич, говорят, вы сейчас должны быть бы находиться не в Тынды, а на другом конце земного шара?

— Верно, я собрался поехать на изыскания в одну из дружественных нам стран. Дело предстояло интересное — реконструкция железной дороги длиной в тысячу километров. Эту работу мне предложили прошлой осенью, я согласился, но поездка все откладывалась. А когда наступил март, меня, старого таежника, так потянуло в лес... В воздухе весной пахнет, товарищи зовут: «Что, поехали в тайгу!» Ничего не смогу — не успеваю. Кто полюбил тайгу — это уж на все жизнь.

— А профессию изыскателя?

— А это еще серьезнее. Я начинал землемером. Работа нравилась, но угнетало одиночество. Вроде я и не одинока. Как-то в селе, в одной избе встретился с изыскателями. Мне сразу понравились эти люди. Чувст-

вовалось, их связывает настоящее братство. Я им страшно завидовал. В тот день решилши все судьба.

— Выходит, интуитивно выбрали профессию. Но теперь, когда сорон лет работы позади, скажите, за что ее любите?

— Изыскатели часто называют романтиками. Это слово, как мед, приправляет к нашей профессии молодость. Если задуматься, все примеры романтики и правда, наглядно. Я, как многие мои товарищи, переплывал через хребты в места, где не ступала нога человека. Был свидетелем неповторимого зрелища — ходя кеты на нерест, когда вода кипела от рыбы. Летал на самолетах, вертоплотах; ездил на лошадях, оленях, верблюдах; плавал на пароходах, теплоходах; в долбленых и берестяных лодках; ночевал в шалашах, палатках, юртах, ярангах, спал на голой земле. Ходил на соютогах на медведа.

Сколько таймной и харизмы переложил — не счесть! Чем не романтика! Романтика. Но если это твою ежедневную жизнь, так сказать, быт, то все это называется уже по-другому. На медведа (было это давно, а тогда войны) я ходил потому, что мне и товарищам нечего было есть. На льмажде (так оронки называют свои долбленки) мы, поминтся, спускались по такой свирепой реке, что чудом остались живы. Изыскатели прежде всего работяги. Они должны уметь махать топором, напая пропитание в любом уголке, разжечь костер в ливне, не оборонить рюми в лютый мороз. И не поддается унынию, что бы ни случилось. Работа наша бывает опасной. Не одного товарища похоронили мы в тайге; именовали отважных изыскателей названы станция и разведки. Но эти опасности, эти зороние не составляют сути нашей профессии. Суть ее в том, что сгоревает нас в холод, дает силы в трудном перекроде, делает изыскателя мыслительным сознание, что за нами потянется инточка жизни, дорога. И уже ни одному человеку не будет здесь так трудно и одиноко, как там, кто пришел сюда первым.

— Есть еще одна сторона изыскательского дела, очень важна для меня... это работа творческая.

С начальником комплексной экспедиции Московского государственного института по проектированию железных дорог Александром Алексеевичем **ПОБОЙКИМ** беседует специальный корреспондент «Смена» Лина ТАРХОВА

— Можно об этом подробнее?

— Изыскатели должны выбрать одну трассу из миллиона возможных. (Иногда Гарин-Михайловичский «Линия — это тот же зверь, которого тоже надо уметь выследить по разным приметам, требующим знания, опыта, особого дарования».)

Поиски ее, единственной, и есть творчество. Вот вам пример. Только что проектировали участок трассы в долине Гилол. Исходные данные были таковы: рядом с рекой затопляемый участок, поросший редким лесом. Давьше полосу безлесной марки (марка — болото на вечной мерзлоте), переходящей в небольшую возвышенность. Склоны ее тоже местами покрыты марью, а поверху растет лес. Задача заключалась в том, чтобы проложить трассу наимыгоднейшим и надежнейшим образом.

(Видно, не случайно они не искали, а изыскители — люди, которые должны изобретать, испытывать, но найти)

Решая задачу привычным, стандартным путем, любой изыскатель скажет: в путь трассу поверху и тем самым эастрасую, тут уж меня никакая вода не достанет.

Но самый надежный вариант — всегда ли он наилучший? Как отыскать полною ниверу? Как возить материал? Ближайшие карьеры гравия — в двух-трех километрах. Если поминуть эту цифру на количество рейсов да потом на стоимость каждого рейса... Я рисунку предложить повести трассу рядом с Гилолом, по тому самому затопляемому участку, который — что очень существенно — порос лесом. «Против» здесь был характер Гилол (но затопления не страшны, если сделать насыпь высотой 3—3,5 метра), а также близость карьеров и прочность грунта, укрепленного лесом.

Решение показало настолько необычным, что на этот участок назначили комиссию. Но сколько их ни посылало, все проминало в конце концов, что решение принято верное. Видите, какова наша работа: она иногда требует не верить здравому смыслу, очевидности, а верить какому-то внутреннему чувству, которое, конечно, должно быть подкреплено точным расчетом.

Александр ПРОХАНОВ

РАССКАЗ

МАШИНИСТ ТРАНССИБИРСКОЙ

Ббушка, маленькая, слабо дышащая, свернулась под вязаными полосатым одеялом, выложила на подушку свою сползающую, почерневшую, как узор на бетоне, руку. Мать нагнула на глаза синякую цветную косынку, и ее волосы сыплются седойной, сливаясь с белой подушкой. Жена приоткрыла на миг свои выпуклые, темные веки, блеснула зрачками влажно и сонно и снова заснула, выставив голову, со спущенной бретелькой плеча. Сын, разбросав одеяло, весь выгнулся задумчив, напряженным телом, будто в долгом парящем прыжке, оттолкнувшись маленькой платкой. Дочь обняла себя с тихой, «сладкой» задумчивостью, у губ ее на подушке вырезанный из бумаги цветок.

Николай, собравшись в депо, укладывал свой чемоданчик, прятал в него теплый свитер, дорожный железный фонарь, плоскогубцы и проволоку. Оглядывая спящий свой дом.

— Коля, Коля,— услышав на Бубушкин голос.— Подойди сюда, Коля. Уходишь! — Она пробовала приподняться.— Приезжай ты скорее! Может, уж не увидишь. Без тебя почему!

Она говорила это всегда, когда он уходил, уже несколько лет, ожидая каждый день своей смерти, и он каждый раз пугался, весь сжимался от жалости к ней, не умев ее утешить. Никсиа в себе ее слабый, умоляющий голос, торопился ее снова увидеть.

Он не знал, как с этим поделать. Каждый раз обращался к кому-то с неясным, невыполнимым мольбам о чем-то несбыточном, от них ото всех не зависящем. Быстро, быстро поцеловал ее в лоб, торопясь, освобождаясь:

— Ну что ты, что ты! К вечеру буду дома!

И пока ехал в депо и потом, получая маршрутный лист, выходя под состав лязгающей, лязгающей железом и смазкой электровоз, все чувствовал на своей ладони Бубушкино горячее прикосновение.

Зеленая, красноезвездная громада электровоза, напряженная в состав генерального груза, медленно выдвигалась из путаницы путей, проводов. Вспыхивали на тьме цветные коды сигнализации. Николай, сжимая контроллер, зорко оглядывал проплывавшее мимо месиво железа, насыпь, пропантанную мазутом и ржавчиной, дымное небо с проблеском медной жилы, с утренними ставами галок.

— Холодно, а жерстко секают,— сказал помощник машиниста Степан, оглядываясь на стиснутый путями клочок земли, на котором копошились женщины с ведрами.— Теща моя еще не садил!

Степан, длинноручий и узкоплечий, в щеголеватой форменной фуражке, с рыжими выщипанными бакчами и стеклянными, дешевым перстнем на большом веснушчатом пальце, был знаком и привычен, как эти дымные трубы ТЭЦ, пыльные, пшеничного цвета элеваторы, маневровые тепловозы, растаскивающие по путям пустые платформы.

— Вчера теща приехала. Другая родня подавала. Надо ж угостить, сам понимаешь! Пару бутылки купил. Другим наливаю, а сам не пью. Тестя говорит: хоть одну выпей! А я говорю: в депо утром приду, в трубку докурить заставит, и если коть случайно наля и тебе застелет, снимут с локомотива. А он говорит: нам бы в совок такую трубку! Ваши, говорит, жемь счастливые! Локомотивчики пить разучаются!

И снова сквозя мельканье окраин, савлок, автобаз и кладбищ больная,

ВЕЗДЕХОД ИДЕТ СКВОЗЬ ТАНГУ. ЛЮДИ ЕДУТ НА РАБОТУ.

Юрий КАЛЕШУК

ХОД ПОНОМАРЬЕВА

Начать с того, что он никак не мог вспомнить, где находится метро «Сокольди». Это уж слишком. Уверенно, теперь, что последние шесть лет он ездил на работу именно к этой станции, было бы просто самоочевидно; Скорняков это понимал. Он открыл глаза. Печка еще не разгорелась, только потрескивала многообещающе; Солодков сидел у радицы, нагнув на плечи энцефалитку, и терпеливо выжужжал из эфира все, что относилось к 76-й изыскательской партии, партии Скорнякова; Левинсон спал надрывающей с головой. Утро как утро. Бог с ним, с «Соколоми»; пора вставать. Он выполз из спялки, натянул мажорские жестявные сапожки, подошел к полого, обозначившему

дверь палатки. Поглядел на Солодкова. Тот резво стучал ключом, переключая левой рукой разноцветные листы радиограммы, — это захлеб всегда писал свои депеши на этикетках от консервов: «Завтрак туриста», «Баранина с гречневой кашей», «Скумбрия, бланшированная в масле», — приващив. Скорняков отодвинул тяжелый, набутший полог — за ним тоже не было ничего нового: черное пятно прогретшего костра под листвинницей у входа в палатку, туман над жаром, глузоз Борнотане ручья — до него сто метров, «одни ликета», как с профессиональным шегольством сказал бы Солодков. — Вертолет сегодня не будет, — сказала Солодков, синим наушником. Левинсон сразу же проснулся; свесил руку вниз, под раскладушку, нащупал транзистор, включил. — В Москве два часа шесть минут.

Начинаем радиопрограмму «Маска» и «Юности» для строителей Байкало-Амурской магистрали! — Пауза, шелканы, шуршание и задушенный голод; — «Да! Да! Да!» того, чтоб по рельсам, по рельсам поехать, надо раньше, надо раньше по шпалам пройти... — Керосина хватит у нас для на три, не больше, — сказал Скорняков. — Подем на трассу по шпалам... — Еще вот что, — сказал Солодков. — Побойки радировал Рыбану, чтобы тот передил нам координаты отмытого пономаревского хода. Пока не передавал. — Ясно. Ну, ты готов, Саня! — Вполне, — ответил Левинсон. Сначала листвинница осыпалась росой и дождем мокрых игол — вездеход шел напролом, они стояли в кузове, держась друг за друга, их швыряло вперед и влево, разгали траки, а деревья беззвучно падали

вперед, под гусеницы, и лишь тяжелая влага, таившаяся в ветвях, казалась — там, где только что была корона, — потом она обрушилась вниз, на их лица и плечи; вездеход шел напролом; молодые листвинницы, подмятые им, вздрагивали, отрывались от земли и медленнее распрямлялись; те, что постарше, больше не поднимались. Туман рассеялся, выглянуло солнце — ненадолго, деревья беззвучно падали вперед, шуршали игол, скатываясь по плечам и спине. Пятый месяц вот так, каждый год встает так, но к этому не привыкнуть. — Расследом. Ручей. Желтая бледность зарослей берез, Бугровые пламя зарослей голубики, уже тронутые утренниками. Голубоватая зелень мха. След солотого. След топора. След человека. — Трасса.

ТРАССА.

— Все,— сказал Скормиков и хлопнул ладонью по крыше кабинки.— Приехали.

Застрепыхала «Дружба», затопили топоры — готовили пикетные столбики, ушли вперед рубщиком, следом за ними уходил Левинсон; начал. Правое, левое, коп! И дальше, и дальше. И дальше. Протягивая столбик. Вторая. Третья... Мелкий лес — чепыжник и стройные лиственницы, сухой костер и чакающая моль. «Быстрая» работа — нетерпеливо сказал Скормиков.— Я по колено в воде стою». Правое. Левое. Хоп. Неряный костерок, торопливый обед — и дальше.

Тяжелее всего им достались первые десять километров. То было еще весной, в мае. Участок был лесистый, фотопланы звали. Объездишь трассу, наколешь продольный профиль — не то. До ночи рассчитывали варианты, каждый километр перебивали по три, по четыре раза. Наконец, десять километров положили. Захрипелись до поздней, камералили. Все партии кругом рапортовали, а ведь тоже хотелось: комсомольско-молодежная партия, первый год работы. Когда выключился свет, работы оставалось самая малость. Зажгли свечу. Над столом сбояу веселили лекала; они занялись сразу.

Наконец выпал снег, придувала крылья палатки. Ободарили руки, но

УТРО ИНЖЕНЕРА (МАРИНА ПЕРЕСЛЕНКОВА).

палатка сторела дотла, а с нею — результаты работы, рация, му, и все остальное. Да, еще гитара. Тогда Скормиков еще играл на гитаре. И пел.

— Через два дня подойдем к Олангро,— сказал Скормиков.— Последние километры трассы...

— Ну, а ты вспомни, где находишься метро «Сокольи»!

— С трудом.

— Все равно это пригодится не скоро.

Они работают вместе недавно, начальник партии Владимир Скормиков и старший инженер Александр Левинсон; надо ли говорить, что знают они друг друга, давно! Но знают друг друга и не сходство характеров помогают людям работать вместе, а общая цель, общее понимание этой цели.

— Может, завтра две команды соорудим! Возьмем по два рубщика — и подем навстречу друг другу.

— Давай.

В лагерь они возвращались пешком, вдоль ручья. Это всего лишь передышка — над расчетами сидеть до поздней. Скормикову не нравятся костерки, к которым надо приезжать станцию; Левинсон тоже от него не в восторге. Но это работа, которую ты делаешь не потому, что к ней привык, а потому, что это твоя работа.

— Ты знал Понюмарева!

— Мало.

— Между прочим, он гнал магистральный ход как раз от Улаки и Олангро.

Солодов был в меланхолическом состоянии. Он всегда в него впадал, когда принимался рассматривать обгоревшие остатки фотографий.

— Видишь — это Бомко, здесь мы дорого строили. А это — Синемюнде, сразу после войны, снимался, когда флот переносили... Ни черта не осталось. А ведь это же память... Работал я, помню, в Казахстане. Жуткое дело — песни. И вот одиннадцатый класс мы в песнях, войны, снимались. Стоишь, понимаешь, думачный кораблик далеко от моря, песчаным занесен...

— Мираж!
— Сам, ты мираж. Настоящий парусник. А метр в пятидесятке от него — шлопка. Тоже песком занесена. И никого вокруг. Мы уж думали-гадали, судим-рассудим, что это могло быть. Может, из отписки зашло, и они по малой воде решили на шлопке уйти... Может, и по-другому. Следов-то никаких. Были люди — не было. Ничего не осталось. Ни-че-го.
— А парусник!
— Мы его потом на дрова извели. Порубили. Да-а...

Он старше Скорникова и Левинского лет на двадцать, и те любят над ним подтрунивать; впрочем, он и сам не упустит случая. Они сидят в сумрачной палатке, пьют чай, но проклятый косягор не дает Скорникову покоя, и он неестественно произносит:

— Ты перекурил, Саня? Займемся станцией.

Они садятся к столу, зажигают керосиновую лампу, раскладывают листы схемы.

— Значит, так: пикет 403 и 405. Так... Метр сорок и метр двадцать. Ничего на два шестидесяти, Саня.

— Ясно.

— Дошли до угла. Тут надо сразу положить. Нужны координаты... Состымуем с тем листом...
— Прислал Рыбак координаты пономаревских отлетов... вдруг вспомнил Солодов. — Да-а... Работал я вместе с Пономаревым. И на Томенях. Сгуртуге и в Могулчак. Смешной такой паренек, губастенький. Но изыскатель — от бога. Точно. В 69-м, когда Пономарев был начальником партии на Унахе, здесь шла борьба за северный вариант. Сейчас-то мы севером идем...

Левинсон вдруг вскочил из-за стола, бросился и раскладушке, вывел из-под нее картонный ящик.

— Черт, никак я не могу поверить и тогда не мог поверить, когда по рации всех оповестили... Не мог по-

верить, хотя и знал, что ничего изменить нельзя. Эцифедати, будь он проклят.

Он достал из ящика конверт, вынул письмо.

— Это Юрка Гусев пишет. Вот. «Вчера похоронили Витальку Пономарева. Наше было мало — все, как и мы, в поле. Но вообще народу пришло много...»

Он шмы вперёд, и деревья расступались перед ним, чтобы вновь за спиной сомкнулись, и примятые травы выгибали спины, и молодые листья ливеньки вздрагивали, отрывались от земли и распрямлялись, высматривая темные пятна на росном лугу, запылав, зарастали срезы.

Но следы оставались.
Левинсон встурнулся к столу, взял в руки свою любимую книжку — «Справочник для разбивки кривых на железных дорогах».

Начнем от вершин! — сказал Скорников. — Какой там угол!
— Десять тридцать.

— Положи его сюда. Так.
Он начинал медленно и тихо, потом все быстрее: быстрее; комбайнера, но компьютер можно заменить, можно исключить; человека не оставишь, и его не заменишь. Но можно продолжать его дело.

— На 431-м мы будем иметь уже другую отметку. Так. «Вот две строки — я помню чудное мгновение...» Так. Давай тридцать пятьдесят.

— Теперь надо принимать, что нам делать с этой дыркой. Она нас лимитирует. Что проще всего! Разбить пикетаж и промерять расстояние...

— Какой так лист!
Право. Ляко. Хол.

Горел костер под лиственницей у входа в палатку, глухо бормотал ручей, палатка расплывалась во тьму, утыпывая во тьму, и в вечерней тишине далеко разносились слова, большие похожие на знаки, но все же это слова, которыми люди разговаривают с другими людьми не в пространстве, а во времени.

— Радусь тысяча двести, угол восемнадцатый...
— Тангенс... Тангенс... Какой тангенс!

— Лист 223-й...
— Лист 575-й...
— Лист 779-й...

Люди, которых Скорников не знает, будут строить по этим знакам и символам станцию на косягоре у ручья.

Быть может, это будет станция Пономарево.

Александр АСТАФЬЕВ,
Бетонщик

Амурский край, большая

Тайга — пишете нам сюда,
Где в обещанном над койной
Сближает карта города.
Мы съезды первые поплывши,
Мы комсомолу появившись,
И не смущит нас
И не сдаться,
Дорога — это наша жизнь,
Дорога — стойкость

В нас закладывался та же сталь.

Где даже нет узкоколеек —
Пролетает века магистраль,
Пойдут груженные составы
Исконно русской стороной,
Где наши деда в час

Вели с врагом неравным
Как ни крути, но все же недаром
Вот в этом еликом слове

Есть то созвучие с ударом,
Что нанесен по бетонкам
Мы здесь, что края страны

Без нас ему нельзя никак,
Чтоб годы этой пятилетки
Снимались пальцами

Мы в завтра весело
Нас вшук в лица будут

И комсомольское
Колеса будут повторять
И в пульсе их сердцебиенье
Наша снова время позовет,
Чтоб ознакоми мы

Всего нацеленных вперед!

Всегда нацеленных вперед!

Осень

Все будет так, как было год
— не изменяя прошлому ничуть,
зажжет сентябрь над речку у буда
по лугу панкидиуху свечу.

Раскрасят листья белнзугу заната,
снимая лев в красных кулаках,
и осень палобу чашею Сократа
замет с тоскою на моих глазах.

Спокойствие пьянит, зовет по сну.
А на душе ни весело, ни грустно —
так ветви облегло не вздохнут,
осебодившись в листопад от груза.

Не зная леса, выйду наугад
к реке, к дождю, где что-то жизнь
где падает без адреса занат
в падеж горизонтов, как в почтовый
ящич.

Где в зеркале недвижнкой реки
об отражении свои капли бьются,
как будто бы бросают пятаки,
что через год опять сюда вернуться.

Звезды коммиссарские,
как жизнь
тех, что на земле дождались

В проколоченные заглядывая
торопились в вечность

Заткалки, вскринку на лугу
в раз атаки отню пугливыми,
и прямым путем,
в не окольным
падали в земную высоту.

Мамины руки

Уронила руки мамини
на колена твои забот.
Уронили, но не слышны
с них усталость, адрок и пот.

Руки мамини — обычные.
Сколько их по всей Руси!
По какому-то обычно
все обязаны снести.

На заводе отработают...
Дома — волосы в пучок
и головят... мюют... шлопугу,
сунув ладошечку в носок.

Дней концы с концами сводят.
Я ум сплю в темноту угла,
а они еще находят
неотложные дела.

Малая ночью черно-серую
подойдет теплом ко мне.
Руки мамини с той верою,
без которой — стыть змеле.

Подойдет, под одеяло
спрячет рук мою разлет,
в мои волос устало
пальцы с грустью заплетет.

Как мигна ладонь с оканной,
с нежной дремой тшннннн...
День остыл, но руки мамини
все еще накалены.

Из письма к матери

Такою уж время,
Такою, видно, я,
Прости, если сможешь,
За редкие письма,
За слынок и дождь
И за морские листья,
За слезы прощания,
За знон хрустала,
Прости, мать, за все,
Чем тебя огорчил.
Но если приносишь
Тебе чютую лучину,
То я знаю —

это в торопливость
в день грудищннннн...
По звездной золе,
Догоревшей в ноцн.

Рисунки Владимира ДЕЛЫ

ВЫБРОСНОН ЛАГЕРЬ ПАЛАТКА — ВРЕМЕННЫЙ ДОМ ДОРОГА, КОТО-
РУЮ ЗДЕСЬ ПОСТРОИТ, БУДЕТ СЛУЖИТЬ ЛЮДИМ ВЕКА.

Голубые дороги Восточной Сибири: Лена, Тулунская, Иренгат, Таора, Мама, Маманан, Виткин, Оленья... Проходят времена, и у рек появляются конурет железной дороге, БАМ, Лодки, штинги, бурьеры, тепловозы едутся с тепловозами. А таежники, приваживающие к самолетам и вертолетам, с удивлением будут поглядывать на стальные пути, острожно поглаживая рельсы руками. Там еще совсем недавно встречали железную дорогу между Байталом и Усть-Кутом. Теперь ее поведут дальше на восток. Впереди необжитые таежные дали с быстрым ритмом кожаных дебриев, неогретыми хребтами. И все, что живет здесь, будет с нетерпением ждать к себе железную дорогу, необычную для этих мест гостью...

Геннадий ЦЕПУЛИН

Быль

2. Много до праздников Петр Гвоздев получал от своего деду Семена Ивановича приглашения: «Приезжай в тайгу, паря. Часо тамешное!»

«Наверное, наш дед оттопал клад и хочет непременно преподнести его тебе...» комментировали письма родственники. — «Ну, часо тамешное!»

За несколько дней, которые Петр летел, он успел изучить всю историю Аэрофлота. Трехместный «ИЖ-12» был четвертым самолетом на воздушной трассе из Москвы в таежную деревню Ели.

Дед цепениться не стал — ладно. Но вместо «здравствуй» поразил:

— Чаво тогда не ехал! Черемуха на том беретегу отцелю. Я е в погребке должем, по-таеому, сохранить, пока ты в Москве за билетами ходишь! Чаво на бугор забрался, не дорос, однако, до сибиряка! — Так по-совому радовался Семен Иванович приходу внука.

«Наверное, нелегко на ншие цветет у них черемуха...» думал Петр, — если можно так сердиться. Как же не успел я к цветению! Тогда старая черемуха, слышь, бы поздоровалась со мной! Но деду ответил:

— Не на бугре я. На равнине стою. Лучше — здравствуй!

— Ну, здорово, здорово!
— Ну, горе, горе! Век бы вам не встречаться. Ох уж эти гвоздевы. Характер сразу наложак.

— Сестра моя, двояродная Клавдия, тебе двояродная бабуя, — объяснил дед и двоявил: Кринь громче. Глуховата она.

— Шибю вы нас забыли, — сказала Клавдия. — Дед на аэродроме не один сажок стоптал, надеждки встречал.

— Ладно, ладно, ужо поговорим! Петр смотрел на обок:

— Не забыла я вас, смотрите — прилетел. И подарки привез: ружье, платок.

— Век латит вам стучаться. Мы уже все приготовили, — позвали из окна.

Получив ружье, Семен Иванович Гвоздев сразу повеселел и все держал подарок на коленях.

— Воверные. Мое-то совсем далекое стало. Как вспоминаю! То что же это, не наше — какое!

— Отечественное производство.

— Как же, паря, наше, если буквы не прочитаешь!

— А! Так это «Made in USSR».

— Чаво?

— По-английски написано. Переводится: «Сделано в СССР». Гудиско. А продуют его у нас и за границы. Экспорт-импорт!

— Чаво ты, Петр, сказал, а ну повтори!

— Экспорт-импорт!.. Еще раз!

Рисунок Владислава ПРОВОТОВОРА

черт, громко-то как! И ни одну собаку на Олёмке тек никто не называл.

— Конечно, громко. Стопца! — поддался вперед гося с рыжей бородой. — Они там что ни придумают! — сразу к нам несется. Хотя и не близко, да слышно.

— Верно. Помню, про песню прочитало радио на всю деревню, а мы уши развесили: тут как тут полета, получил Семен прибавку. Хорошие у вас в Москве люди.

— Ха! Семен Иванович, разве только в Москве хорошие люди живут! — равно не согласился один из парней. — Если бы у нас отжачи людей в область не было, и мы бы их хороших людей добыть могли.

— Послушай-ка, москвич! — потянула за рубашку Петра рыжая борода. — Заговорились. Я чуть не забыл. У меня сучка подрастает, не подбросить для нее словенко именем! Переименовать решил по-столичному.

Петр почесал затылок.

— Да ты не спеши! Не мучай себя. Заноси к утру словцо-то.

— Ладно, зайду утром. — Петр встал. Какется, потолок принулся: такой высокий и большой был гося!

— Пора и потанцевать! Как на это посмотрят хозяева!

— Равнинный парень оченк обрадовался такому предложению.

— Мой профиль — танцы! Проверим-ка столичную лехоту. А!

— Хлоху, хлоху оченк стилиную барыню, — согласился жмут Христовор.

— Включили магнитофон, и дом зашатало от музыки и пляса. Усидеть на месте было трудно. Люди раскинулись, как Олёмка в половедей. Христовор сбегал алмой, притянул старый бубен и начал колотить в него, надевая еще большие шум-

— Шибко, однако, бойей Шибной! Бо! Боу! О небо. Черный олень! Век там не плясал. Белый лос! Бо! Петя-челва боу!

— А с Петром танцевала девочка с соболоними бровями:

— Очешь, москвич, тайгу покажу!

— Ох уш! На любого поколения можно найти выход. Я наморанил быстро на двоих парекую.

— Ну-ка, Катя, составь пару! Девчонка назлиурилась, но послушалась, захотелось ей подражать деду, а Петру сказала:

— Облизнуло на глаза у парня.

— Только тронь его! Тронь! — сердился Семен Иванович.

— А может быть, он сам притронется! Что тогда! Мы по Конституции как бы равны.

— Ладно, ладно. За твою Конституцию я не го- лосовал! — притопывал дед.

— Петя вас проголосует, — не сдавался Катя, — Свои тамешные замашки брось. Человек по-английски читает, а ты...

— А я с ним по-немски буду разговаривать. Они навключили к уху деду и заговорничски прошептали.

— Шпрезен зи дойч! Дед отпрынул от Кати:

— И ты английский знаешь! А скрывает. Хочешь скрпиромо взять!

— Накорми-ничком. Вот вам задачка за шумом следить!

— Белый лос! Черный олень! — разбил спорническ вселяющийся Христовор. — Ей-Богу, умряю от танцев. Бо! Боу!

Петр разглядывал своего деду, гося, «не эра летел за тридцать земель. Скучно не будет.

— Эй, Петя, наше голубое небо и белые ночи ного кошачь осматривать могут, — слыно углавилебеди пролетают. Помнни у нас. Может быть, и насомем отнаться. Специальности у тебя хороша, строительная. На Таоре в живаре молодежь высиделась, железную дорогу через Сибирь поведут. Нашей реки ни не миновать: встреча будет. Другую точку к Амуре нет. Чаво тебе в Москве томляться! Красота здесь, воля таежная.

— Подумаю. Я лодей пригладывается.

— И как жет! Пригладывается!

— Узнать не хочется.

— Ну, тогда еще попляшай! Эй, Экспорт, ко мне! Импорт, рэдо! — крикнул ослотик и пустился в пляс.

Владимир ОМЕЛЬЧЕНКО,
геодезист СУ-87

НА 79-м КИЛОМЕТРЕ...

Рабочая трибуна «Смены»

ЯНКАНСКИМ ПЕРЕВАЛ

НА СТАНЦИИ БАМ СНИВАЮТ
ЗЕМЛЯ ВУЗУШЕВ ГРАССЫ КАК
ТОР МИШЕНКО В ХУСЕЙН ТАК
ГРЕВ НЕ ОСТАЮТ АРМ ОТ ДРУ-
ГА НИ НА ШАГ...

звать высокими и трудными этот перевал нельзя. Нет, это рядовой перевальчик, поросший, как и все склоны сопок окрест, лиственницей и березкой. Его на привычной скорости проскакивают машины и шмарики с мешками шпешек на плечах одолевают, не запылавшись.

Но строителям железнодорожной магистрали Бам — Тында он дался тяжело.

Первыми вогнали в него стальные зубы взрывчатки и часть их сломали. Размазались события примерно так. Попробули, зарядили, взорвали. Подлетело, шепелулось на то же место. Посмотрели, потерли руки, подогнали экскаватор: давай жарь. Экскаватор «дал»: мотор чих-пых. Кое-как, на предельной мощности, загурит десяток машин, потом порвет стальную ленту или подорвет свое жалкое здоровье мотор...

Начали портиться отношения между взрывниками и руковожденными механизированными колоннами, расходуя высокое начальство, поставило взрывников на место. А те что? Идут на перерасход: преданмерено увеличивают глубину скважины и расход взрывчатки — вечная мерзлота, кто ее поймает. Лишь бы экскаваторам была работа...

Здорово грохочут взрывники. Камни подлетают высоко, но скатываются по крутым откосам выемки опять на то же место, а народные рубли ветер по тайге разносит. Глады издали на похолодевшую тайгу, один думают, что это на деревьях висят желтые листья, и, растроганные, вспоминают пушкинскую «Осень», другая же, болев травмами, видится в этой желтизне закатные на деревьях выемки с пылью все те же самые бурки...

Старший прораб взрывников В. Савенко вздыхает:
— Скотроу я с откоса за работой экскаватора, а сердце мое работает точно так, как его двигатель. Схватится он зубьями за проектный негабарит, зачешет — и сердце исчезает куда-то. Сколько же взрывчатку надо закладывать в скважины, чтобы не возвращались они, проклятые негабариты, на Землю, а улетали на орбиты спутников!

Строителей большого БАМа ждет впереди немало трудных перевалов и больших выемок. Быть может, и наш горький опыт окажется полезным. Как-никак, а Янканский перевал мы прошли и кое-чему научились. Чему же?

Летом и тогда, когда днием бьются оттепели, грунт надо взрывать небольшими блоками, при этом строго согласовав свои действия с действиями механизированной разбивающей выемки: надо сразу же после взрыва. Иначе грунт замерзнет, и его снова придется взрывами рыхлить.

Эта тактика помогла увеличить теплоту протекания выемки, но добавила механизаторам забот, связанных с перегонем, перестановкой и оттоном тяжелых машин от мест часто готовящихся взрывов.

Замечто влияние на качество взрывов и вечная мерзлота. То ли оттого, что при бурении скважины от трения выделяется тепло и мерзлые грунты тают, а вода с пылью разбиваемых пород образует ил, то ли от других причин, но большее количество скважин заливается, заливается водой.

После взрыва в выемках образуются пороги, боковые уступы. Чтобы избежать этого, приспособились взрывники зарядить скважины сразу же после окончания бурения. Помогли и пыле, испытавшие новое, водоустойчивое ВВ, тонущее в воде.

Знают теперь взрывники, что и в летнее время залитые водой скважины оставлять надолго нельзя: они

промерзают и чистка их — дело трудное.

Хорошая буровая техника у взрывников, но один вопрос задать ее создателям нужно. Не экономичнее ли была бы на конце штанги победитовая или сталева коронка с упирающимися вовнутрь зубьями вместо шарошечного долота, применяемого в настоящее время? Очень много расходуется энергии на неумную разбуривание пород внутри штанги.

Недостатком совершенна и методика разработки больших выемок. Она не дает возможности проектировать скважины глубиной более десяти метров, а значит, полностью использовать технические возможности буровых установок; усложняет разработку толстого слоя пород даже при отличных взрывах; вызывает частые переезды буровых установок с потерей на эти операции времени; учащает и усложняет забурку скважины на нижних горизонтах, где забуривается почти всегда приходится в уже разбитых предыдущими взрывами порогах; усложняет подызд буровых установок на разбуриваемую площадку при двусторонней разработке выемки, особенно на самых нижних горизонтах.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

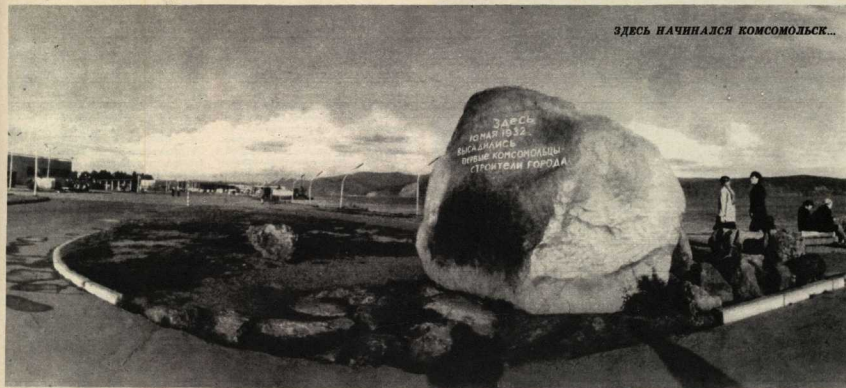
Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

Но разное было бы применить здесь способ, которым воспользовался бы любой человек, перед которым стояла бы задача одним ломом пробить надрезную выемку в метровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предполагаемой лопольной полоску небольшой глубины.

ЯНКАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ.

ВРАЧЕВ АДМИНИСТРАТОР

Владимир КОРЕНЕВ,
участник совещания
молодых писателей
Восточного Сибири
и Дальнего Востока

Я не видел его давно — месяца два, если не три. Он появился без предупреждения. Звонюк в дверь — и вот он уже сидит в кресле, оглаживая стеллаж с книгами.

Пока общаемся междометриями, и рассматриваю его. Лицо, руки обветрены от постоянной работы на открытом воздухе, глаза пронзительно голубые, волосы они обычно становятся у него к весне, фигура сухая, поджарая, как прежде. Он говорил и двигался по комнате легко и почти бесшумно, и я начал подозревать, что настроение у него такое приподнятое не только по случаю нашей встречи, а встреча — потому что настроение у него, каким давно не было. Значит, на строительстве место полной порядки.

И наконец-то: — Как представитель коллектива мостостроителей можешь поздравить меня с завершением подводных работ. С подразделения бригады Лутковского займется выдергиванием шпунта. Ему нужно разработать технологично демонтажа шпунтового

ограждения. И этого еще никто не делал.

Лутковский — его любимец. Коростелев, как мне кажется, принадлежит к категории тех людей, которые ясно видят цель своей жизни и непременно ее добиваются. И чем-то едва уловимым эти два человека похожи, есть что-то общее — не в фигурах, не в лицах, скорее в движениях, жестах, которые выдают характер человека, его темперамент. А характер Коростелева я знаю — крутой характер, и жесткости ему, и крепости не занимать, и настойчивости хоть отбавляй, и прямоты в отношениях.

Лутковский решил уйти из отряда буквально через месяц после прихода в него нового начальника. И может быть, только большая привязанность Лутковского к стройке, сознание важности событий, происходящих на сей, решил исхода дела, и Лутковский попросил вернуть ему написанное в минуту гнева заявление на расчет. Может быть. Но к этому приложила свою руку и Коростелев.

— Значит, уходишь? — спросил он Лутковского.
— Ухожу.

— Разве личные обиды стоят стройки?

— Вы предлагаете забрать заявление? — Лутковский был еще в запале, и в голосе сквозила брезгливость. Он не привык питься. Но Коростелеву на это было наплевать.

— Немедленно. Уйти только из-за того, что с кем-то повздорил, — покажет свою слабость. Лично меня отсюда не выжечь напалом. Если я не подожду стройке как главный инженер, буду работать прорабом, мастером, монтажником в конце концов. Пусть и останусь без шпунтов, но мост все равно буду продолжать строить. До конца.

И тогда первый раз решила встать в наш разговор свое слово жена главного инженера.

— Ты и так донашиваешь последние, — необходимо сказала она, и мы рассмеялись, и у Лутковского расхолохались губы, раздвинули каменные щетки. Он, смущенный, потер руки и зашаривавшийся подбородок.

Евгения Дмитриевна Коростелева я знаю с самого начала строительства моста через Амур. Меня этот объект интересовал, и я часто навещался в поселок мостостроителей Новый Мир, отсыкивала Коростелева

и становился его тенью на несколько дней, вникая в дела, успехи и беды строителей. За день мы накручивали не один десяток километров. Однажды Коростелев привел меня на берег Амура.

— Здесь поставим перауру опору,— сказал и зачавкал болотной жижой.

— Широко перед нами лежит тяжелый Амур. Тяжелый и какой-то необратимый, и крапает мелкий, частый дождь, перечеркивая контуры обрывавших гор на той стороне, поэтому воображение ничтожно отказалось представить здесь мост. Коростелев смотрит прямо перед собой, дождь ручьями стекает по амру. Вот он поворачивается ко мне, и сквозь шумет дождя я слышу:

— Как ты понимаешь мост?

— Искусственное сооружение, соединяющее два берега.

— И все?

Он поискал место поудобнее, сел на обрывчик на мокрую траву.

— Мост — это высокорисичная сталь. Представляешь? Ставится деталь простого строения, ловишь ее на болты, затягиваешь их на соевсть — и она начинает петь. Петь, высвистывать. Вся конструкция! Похоже на дамский зов колоколов. Была я как-то на концерте Рихтера. «Колокола сквозь листья» слышала? Вот. Он начал играть «Колокола», а я подумала, что мне страшно знакома это музыка. Но тогда я так и не вспомнила, где именно ее слышала. Мы строили мост через Томь, монтировали последнюю конструкцию — и вдруг я вспомнила, где до Рихтера слышала «Колокола сквозь листья!» Здесь! А ты говоришь, мост — искусственное сооружение.

— А каким он будет? — спросил я.

— Во-первых, это будет трудный и сложный мост,— сказала Коростелев.— Его не так-то просто будет построить, потому что у нас в Союзе таких мостов еще не строили. Не строили мостов с опорами на сваях, оболочках диаметром в три метра с забуриванием в скалу. Ложь Амура — скальный грунт. Свай-оболочки с забуриванием — эксперимент. Эксперимент в суровых климатических условиях, когда на возведение одной опоры природа отпущает жестко ограниченное время — четыре месяца и ни одного дня больше. Меньше — может быть, и этого нужно опасаться. Зимой нужно вывести опору выше линии поверхности льда, чтобы потом, когда он растает, опора не оказалась под водой. Летом опору нужно успеть завершить до появления льда. Так что мы закатай временем в тиски. Наш отряд должен дать ответ на целый комплекс сложных технических вопросов, связанных с погружением оболочек и забуриванием их в скалу. Буровых станков еще нет. Е. Минтравстрое не удалось добыть отсюда столько, то каким образом соорудить опоры. Кто-то не решаете начать испытание бурением, предлагаю вести работы привычным, испытанным тискам раз методом — бестовым. Стронники метода строительства опор с забуриванием свай-оболочек настаивают на своем и упорно решают проблему бурения аппарата. Техника будет держать свой экзамен на право жить, как и сами опоры.

Испытательные работы в районе одиннадцатой опоры, которые решали исход соревнования, проходили по руководством Коростелева, и радость его не было предела, когда вырубленный кусок в форме куба — одна половина бетон, другая — скальный грунт — показала на разрыв железную сваю...

И вот последняя новость: подвода работы закончена.

— Значит, мост будет вовремя?

— Да, если Минтравстрой даст нам прототип конструкции. И спасибо на лице его сияет улыбка.— Знаешь, что наши ребята награждены орденами? Шабанов, Пологатов Федя...

И он начинает о них рассказывать — и как они работают и какие они вообще хорошие парни. А я слушаю и вижу не только тех, о ком он рассказывает, но и самого Коростелева, потому что он несладко от них. И вспоминаю все, что за четыре года случалось в мостостроении, и как внезапно он пришел к этой версификации единства, так же, как в любом доме, и сколько сна вложил в это Коростелев. Не красивыми словами, не обещаниями обращая он людей в свою веру, в свою любовь — мост, который они должны возвести своими руками над полуторакилометровой ширию Амура, а своим отношением к делу, своей преданностью, бескорыстием, порой жертвенным служением ему.

...Новый Мир утопал в грязь от беспробудных дождей первого строительного лета. Машины беззащитно пылали, протыкая в отдельных участках металл, и люди на себе носили лес, цемент, кирпич, ящики гвоздей, шифер, трубы. А первым вывала на свою ствию широченную паху Коростелев. До сих пор слышу зыгивательный смехок одного рабочего, когда он увидел согнувшегося под тяжестью пахи главного инженера, взынувшего в грязи и задурявшего жалами на шее, на руках, с замеканенными мышцами, обливанного жидкой желтой гальмой.

Потом, спустя много времени, я как-то столкнулся с этим рабочим, с одним из лучших монтажников отряда, одним из преданных Коростелеву людей, вспоминал и этот случай, вспоминал он и, смутившись, признался:

— До сих пор стыдно ему в глаза смотреть.

А Коростелев этого момента не мог вспомнить, и когда я рассказал ему все как было, отмахнулся:

— Да не было такого.

— Может, и котельной не было и котла не падал?

— Котла падал.

...Котла распался на две части. Соединительные патрубки, обранные, болтаются на верхней секции. Коростелев, потнувшись, трогает нащупывая трубу нижней секции, пригладывается.

— Не треснувай! — спрашивает Дупкус и режет глазами Ивана Романовского.

— Кажется, повелозо,— продолжает исследовать секцию, отозвался Коростелев.— Будем поднимать.

— Выпрямимся.

— Как же вы так, Романовский! Романовский тучком указательного пальца то и дело поддевает массивные очки, пожимает тяжелыми плечами. Глаза у него в этот момент поразительно круглые. Я первый раз видел такое круглое глаза.

— Зачем растажили снайга? — спрашивает Коростелев.

— Я думала... Я думала, что Алтон соединил патрубки.

— Соедини,— передалаши Дупкус.— А если бы зинуо обмуровщик работал!

Он свергает взглядом Романовского, прожигает насказом. Романовский шыгает носом, поддевает очки.

На лесе зобирется вачальник отряда, востит бегом. Из-за плеча тянется механик Коросеко. Началь-

НИКОЛАЙ ШАБАНОВ, БРИГАДИР МОНТАЖНИКОВ, ЗА ОТЛИЧНУЮ РАБОТУ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ МОСТА НАГНАЖДЕН ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА».

ния отряда, как мне показалось, победнее. Лицо Коростелев пылает красным пламенем. Быстро же разошлась весть!

— Кажется, все дело,— должно Коростелев как можно спороше.

— Как решаи поднимать? Крапом, талью?

— Только вручную. Малейшая неточность и котел может соскользнуть в толщу. Аспирут соединительные шпатель. Чугун.— Коростелев щелкает пальцем по шпатель.

— Командуйте, Евгений Дмитриевич.

И первый взялся за литое, коровье, словно в осинах, ребро котла. Конечно, котел не атомный реактор, но он был один в мостоотряде: а времени искать другой не было, стоа ноябрь. Малейшая неточность могла решить исход дела. Коростелев знаа это. С вальчишкой осторожностью котла был возвращен на место. Коростелев еще раз его обследовал, котел не пострадал.— будет тепло в Новом Мире.

Котел был вывезен из котельной, с небя, кружась, падала алпастый, меркый, первый в наступившей зиме снег. Коростелев подставил снежинкам свое лобно.

Мимо нас прошел Иван Романовский. Коростелев окликнул его, улыбаясь, спросил:

— Испугался?

— Вы меня испугаете!

— Почему ты так решаа? Нет. За одного битого двух небитых дают. Романовский слабо улыбаясь.

И, конечно, правит Коростелев лето семидесятого, когда, по сути дела, решался вопрос жизнеспособности метода закуривания свай-оболочек, когда отряд был готов к началу эксперимента, а в верхах все медали, отгваивали момент закуривания. Из треста пришло указание, что испытания будут проводиться на правом берегу, ближе к берегу отряда. Время указано не было. Коростелев перенчал. Во-первых, он не согласен был с решением треста проводить испытания на правом берегу—слишком толстый наносный слой нужно пройти, прежде чем закуриваться в скалу, во-вторых, время, отпущенное для испытательных работ, проходило, а они так и не начаты. Состоялся разговор с начальником, и Коростелев заявил, что он намерен, не дожидаясь указаний треста, начать закуривание и не на правом берегу, а на левом—скалстом. Он высказал свое мнение прямо, ина поддержки и начальника.

— Бездействуа, мы передаем идею закуривания,— сказал он.

Еще до разговора с начальником он позвонил на плотина все оборудование, необходимое для испытательных работ. И начальник сказал:

— Давтай, Евгений Дмитриевич! Отвечать так вместе.

В преддом коу он поехал отдыхать в Приморье с женой, с детьми. Два дня праздничатондоей жизни вытпал его из зоны отдыха. Уговорил жену, что поездка ненадолго, только одним глазом глянет, как строится в районе Сучана мост, сел на поезд и укатил на целую неделю. Целую неделю он проработал в Сучане, устанавливая с суванцами турбобур, а потом, заглянув к семье, направился в Комсомольск, не дожидаясь конца отпуска. Семья еще неделю неделю отдалась на море, а он, рассудив, что не стоит тратить время на дорогу домой и обратно, ночевал в комнатке через стенку от кабинета, где стояли две кровати и турбобур. Эту комнату они оборудовали в горячие дни эксперимента,

когда был он, или начальник оставался на стройке сутками. И только в день приезда семьи, чувствуя себя виноватым перед женой и детьми, подошел к начальнику.

— Если вы не против, Николай Дмитриевич, я сегодня не буду вам мешать строить мост.

— Инаа Ивановна приезжает?— поиня Сенториш.— И как она терпит вас, Евгений Дмитриевич?

— Любопытно, что ответ на подобный вопрос ваша жена, Николай Дмитриевич—вопросом на вопрос отгваива Коростелев.

Николай Дмитриевич Сенториш—начальник мостоотряда № 26. Появился он в мостоотряде не в лучшее время. Коростелев при первой встрече отгваива сдержанность, уверенность и точность нового начальника. Его тревожила вопрос: сработаются ли они? Но первые же дни совместной работы показали, что тревожились он зря. Начальник не меньше его, Коростелев, понимал значение того, что делалось здесь, на Амуре. Я не один раз наблюдал их в словесной схватке, но и видел, как они заботятся друг о друге, не броско, но всегда вовремя, как бывает только у старых и верных друзей. Но признаваю Коростелева, эта требовательная дружба принесла много доброго строительству.

— Поминиш ваш разговор: амурский мост—ключ к сибирским рекам! Технологиа закуривания свай-оболочек в скальный грунт отработана, найдена необходимая техника. Теперь мосты будут строить быстрее и дешевле, чем при кессонном методе. И намного. А если взять БАМ, которая пройдет через все Сибирь с ее реками? Наш опыт так необходим.

И как трудно нам пришлось здесь сначала,—не удержался я!—сказал он, и так он это сказал, такое у него было лицо в этот миг, будто действительно в жизни у него не было лучше и светлее тех дней.

Он подошел к окну и остановился перед морем огней внизу. Я видел его широкую спину, крупную, вазуную седую голову, ресничку шнелю, длинные, широко расставленные ноги—фигуру засушенного тренировками стелера, не оставившего насладом зановвать лапы олимпийского чемпиона.

Мне явно повело в жизни.—Он повернулся.—Перед тем, как поехать к тебе, я стоа в конце проекта и вару, галву на Амуре, угадал все, что мы сделали, увидела с чего начинали. Я стоа там полчаца и смотрел, и вспоминал, а думал. Сколько мы сделали ошибок, какам думным и извальной был наш путь!

Он замолчал. Потом вару спросил:

— Как ты относишься к идее мостов на воздушной подушке?

— Не знаю. Не думал об этом.

— Напрасно.

Он сощурил глаза, заостряя взгляд на далекий мост будущего.

МОСТОТРИДУ-26 ПРЕДСТОИТ ПОСТРОИТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО КРУПНЫХ МОСТОВ ДЛЯ БАМА: ЗЕНА, СЕЛМАДЖА, БУРЕЯ, АМУНЬ ЖАУНЬ СТРОИТЕЛЯ, УЖЕ СЕЙЧАС, КОГДА РАБОТЫ НА МОСТУ ЧЕРЕЗ АМУР ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ, ДЕСАНТЫ МОСТОСТРОИТЕЛЕЙ ВЫСАЖИВАЮТСЯ С ВЕРТОЛЕТОВ И ВЕЗДЕЛОВОДОВ В НОВЫХ НЕБЖИТЫХ РАЙОНАХ...

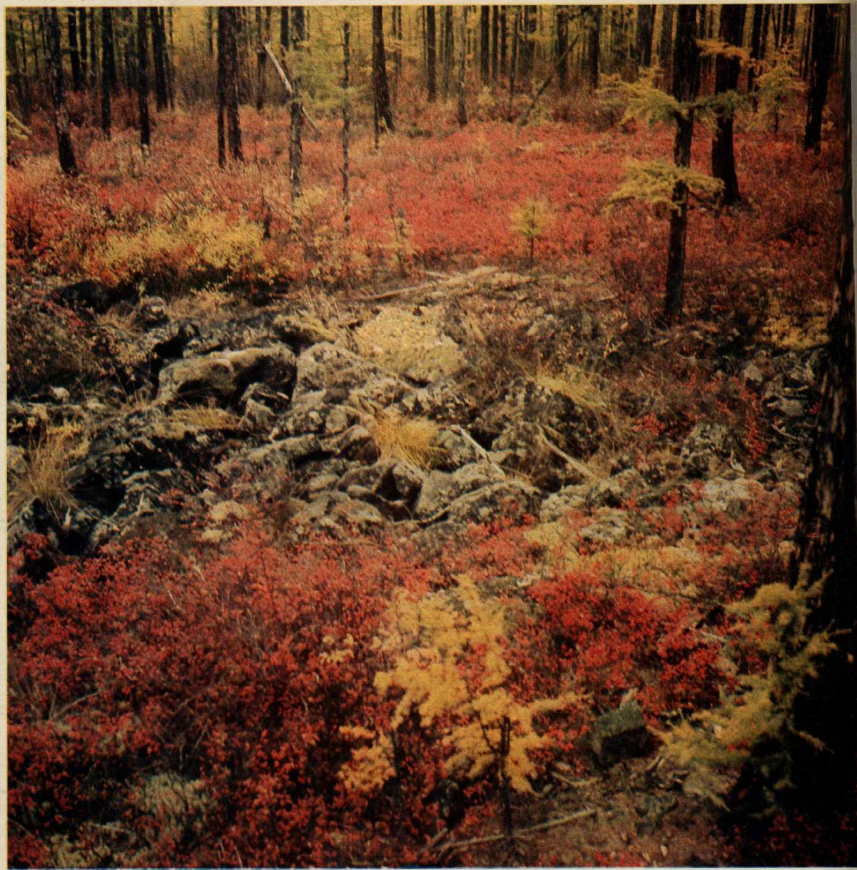

МОСТ ТЯНЕТСЯ К ПРАВОМУ БЕРЕГУ. ДОРОГА ИДЕТ К СОВГАВИНИ, К МОРЮ...

«Вечная мерзлота» — это звучит даже несколько торжественно. Тем более что за этими словами обычно следует рассказ о том, как люди одержали очередную победу над природой. Но как нелегки эти победы... И сегодня строители Байкало-Амурской магистрали уже вступили в схватку с вечной мерзлотой, которая на протяжении тысячелетий словно бы сознательно готовилась к этой битве, создавая сложнейшие оборонительные сооружения», уходящие на десятки, а то и на сотни метров в глубь земли.

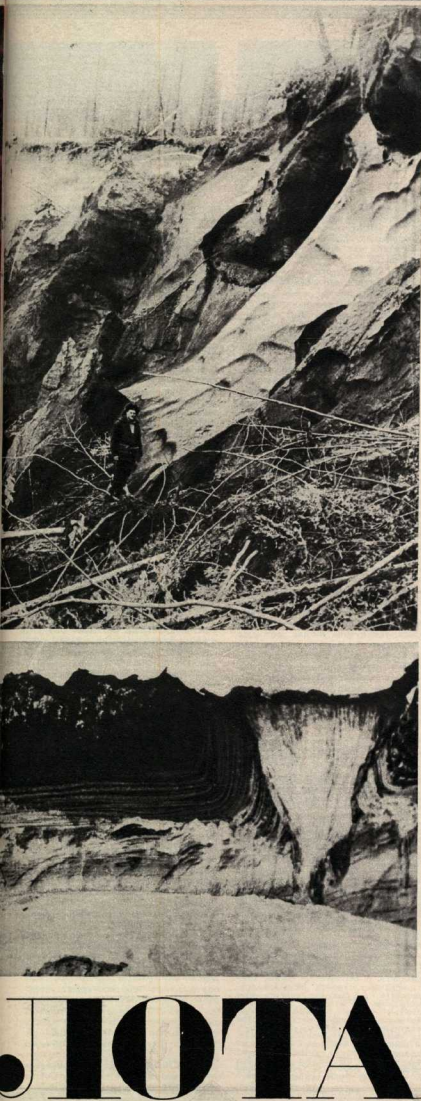
Значительная часть БАМа пройдет по горной стране с вершинами сви-

ВЕЧНАЯ МЕРЗ

НАУКА: ГЕОЛОГИЯ

Б. Н. ДОСТОВАЛОВ,
профессор, доктор
геолого-минералогических наук

ТАК ПОДЗЕМНЫЙ ЛЕД ВЫХОДИТ К ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ.

ше 2 тысяч метров и изрезанной многоглыбовыми речными долинами.

Климат Северного Забайкалья суров. Зимний холод в течение долгих месяцев сжывает и стаскивает почву, а летом раскаленное солнце с извешенным упорством проламывает ее. Поэтому так интенсивно протекают здесь сезонные охлаждания-нагревания, промерзания и протаивания. Комбинирясь с направлением в порогах все это становится причиной разнообразных и сложных мерзлотно-геологических процессов, таких, как увеличение объема рыхлого влажного грунта при промерзании или его «пучением», образование и протавание различных видов подземных льдов.

Подземные льды могут представлять собой мелкие кристаллы, цементующие рыхлую мерзлую породу в качестве породообразующего минерала. Но чем суровее климат, тем более возрастает льдистость рыхлых мерзлых грунтов. Усиливаются различные мерзлотно-геологические процессы, появляются и усложняются ледяные, криогенные текстуры грунтов, наблюдаются крупные жилы, пласты подземных льдов.

Мерзлотно-геологические процессы и явления достигают наиболее грандиозного развития и разнообразия форм на крайнем северо-востоке СССР, однако многие районы, через которые пройдет БАМ, в этом отношении не уступают Крайнему Северу. Некоторые из наиболее характерных мерзлотно-геологических явлений представлены на приведенных здесь фотографиях.

На одной из них показано обнажение древних полигональных подземных жильных льдов.

Подземные жильные льды образуются на основе полигональных систем взаимно перпендикулярных трещин. Трещины возникают ежегодно и цементируются льдом. Глубина трещины — до двух-трех метров, средняя ширина — около 5 миллиметров. Таким образом, в трещинах образуются элементарные жилки. Повторное накопление элементарных жилок представляет процесс роста гигантских вертикальных жил, находящихся в поймах одновременно с накоплением осадков. Поэтому такие жильные льды называются повторно-жилковыми. Они состоят из двух систем параллельных и взаимно перпендикулярных жил, представляющих собой систему полигонов, преимущественно четырехугольников. Если разрезать поверхность земли вдоль такой жилы, последняя покажется огромной ледяной стеной. После оттаивания этой «стены» обнажатся торцы жил перпендикулярной системы.

Явным признаком залегания жильных льдов на поверхности земли является полигонально-валковый микрорельеф. Системы древних реликтовых подземных жильных льдов часто перекрыты слоем отложения и растительным покровом. На фотографии видно, что древние льды покрыты слоем почвы и лесом. Такие льды часто нельзя обнаружить с поверхности. При протавании подземных жильных льдов наблюдаются неравномерные просадки поверхности грунтов различного происхождения. Их разнообразие зависит от генетических типов подземного льда и его содержания в объеме мерзлой породы.

Глубина просадок изменяется от десятков сантиметров до 20—30 метров. То есть протавание подзем-

ных льдов, или «термокарст», создает формы как микрорельефа, так и мезорельефа. Эти понижения обычно заполняются водой и образуют системы «термокарстовых» озер. Следовательно, развитие значительных масс подземных льдов и вообще увеличение льдистости ильды грунтов снижают устойчивость и очень затрудняют строительство на таких участках.

Путешественник, пролетающий летом над южными районами Забайкалья, может довольно часто заметить в долинах рек белые пятна или ледяные поля площадью до нескольких квадратных километров. Это наледы. Наледы возникают при излиянии подземных и речных вод на поверхность льда протавшей до дна реки и на прилегающей поверхности поймы. Растекаясь вода быстро промерзает. Часто наледы образуются источниками подмерзлотовых вод. При достаточной мощности льда также наледы не успевают растаять летом. Они становятся многолетними, частично протавающими летом и увеличивающимися зимой.

Наледы оказывают заметное влияние на поверхность и борте речных долин. Их возможные разрушающие и деформирующие воздействия должны учитываться при строительстве БАМа. Нельзя забывать и такие осложняющие строительство и эксплуатацию БАМа факторы, как общее пучение промерзающих грунтов, их морозные («ригидные») деформации при промерзании так называемых закрытых систем или изолированных объемов грунта и образование бургов пучения.

В начале зимы массивы талых влажных пластичных глинистых пород, залегающие поверх мерзлой толщи, промерзают сверху и с боков и оказываются в виде жесткого ледяного сосуда, образуя закрытую систему. При дальнейшем промерзании талой пластичной сердцевины такой закрытой системы объем ее растет, давление повышается и пластичный влажный грунт деформируется и передвигается в сторону меньшего сопротивления. Если закрытые объемы пород велики, то могут передвигаться значительные массы пластичных грунтов и вода. При этом возникают так называемые инъекционные бурги пучения, достигающие в северных районах высоты до тридцати метров. У нас такие бурги называются якутским словом «булгуниши», а в Канаде — «пинго».

Для полного понимания взаимодействия мерзлых грунтов с сооружением на БАМе необходимо знать весь комплекс термодинамических и географических условий возникновения и развития мерзлых пород. Если комплекс этих условий изучен, то возможны рациональное проектирование и строительство дороги, а также прогноз изменения ее технического состояния в результате строительства. Все это дает возможность предвидеть и улучшить условия эксплуатации сооружений.

В настоящее время основные закономерности развития мерзлых пород достаточно хорошо изучены. Разработанная методика прогнозирования инженерно-геологических, гидрогеологических и мерзлотно-геологических условий, которые необходимо учитывать при проектировании, строительстве и эксплуатации железных дорог в вечной мерзлоте. Мерзлотно-исследования включены в комплекс работ по строительству и эксплуатации БАМа.

ТОТА

Круглый стол «Смены»

«Что даст БАМ? Что нам дадут БАМУ?» — вот два вопроса, с которыми редакция «Смены» обращалась к участникам совещания за «круглым столом». Сразу оговоримся: совещание было засекретно — ни в Москве, ни в Хабаровске, ни в Зейском, ни в Тиминском это люди никогда не собирались за одним столом. Не объединила общая структура магистральной и суббассейна Байкало-Амурской магистрали. В Зейском совещании приняли участие:

И. РОМАНОВ, первый заместитель председателя исполкома Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся;

А. ШУЛЬГА, секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома КПСС;

В. ПЯТЛОВО, заместитель начальника технического отдела завода «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре);

Г. ДМИТРИЕВ, директор партома горно-обогатительной комбината (пос. Солнечный, Хабаровский край);

Л. ВОРОБЬЕВ, секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ; инженер, депутат Федерального сельсовета (Амурская область);

В. УДОВЕНКО, председатель Февральского сельсовета;

Е. МОЛЧАНОВ, начальник станции База (Забайкальская железная дорога);

В. ЛИСИЙ, главный инженер Иркутского геологического управления;

Д. КОФМАН, директор Читинского филиала института ВНИИРОЗЛОТО;

В. ТРУБАЧЕВ, секретарь Усть-Тунгусского горкома ВЛКСМ (Иркутская область);

Ф. ШЕВЧЕНКО, начальник отдела по применению техники в народном хозяйстве дальневосточного управления гражданских авиалиний;

А. ДАДЬЕВ, секретарь Верхнебурейского района КПСС, начальник районного штаба по строительству БАМа (пос. Мегрское, Хабаровский край);

А. СУХОВИЧ, директор строительного управления «БАМстройупра»;

Ф. БЫШИН, старший научный сотрудник Института географии Сибири и Дальнего Востока Иркутского отделения АН Иркутского лаборатории;

Л. КУДЕЛИН, охотник-промысловик (пос. Февральский, Амурская область);

М. ЛЕШОНАКОВ, летчик-наблюдатель Дунинского авиационного (пос. Березовый, Хабаровский край);

О. ПАВЛОВ, заместитель директора Института географии и геологии Сибирского отделения АН СССР;

В. СКАПОН, доктор биологических наук, профессор Иркутского сельскохозяйственного института.

Вот что они ответили на вопросы наших специальных корреспондентов.

СТРОЙКА ВЕКА: ОБЕЩАЕТ

И. РОМАНОВ. Страна получит выгоды от выходов к Тихому океану, и одной только это факт трудно переопределить. Появится доступ к богатствам края — олову, углю, редким металлам, пока еще скрытым в земле. Их разработка и эксплуатация послужат мощным толчком к развитию новых отраслей промышленности и оживлению существующих.

На станции Известковая намечено создать авторемонтный завод. Хабаровский шефенбой комбинат, как многие наши предприятия, едва ли не в идею увеличит свою мощность. Надо сказать, природа подарила наморо не лозоватили о строиматериалах для БАМа. На территории края геологи обнаружили запасы кирпичной глины, строительного камня, песка, известняков, поделочного камня. Вольг дороги возникнут новые города — в глинах, расширяя площади сельскохозяйственных угодий.

СПРАВКА. При Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства создан проблемный совет развития сельского и промышленного производства в зоне восточного участка БАМа. В трех северных районах Хабаровского края — Верхнебурейском, Комсомольском и Покском — в настоящее время в генератор земель, пригодных для пахоты, в 1,3 миллиона гектаров требуются коренные мелиораторы. В зоне расширения земель природные сенокосы в этой зоне могут выдержать лишь овес, гречиха, устойчивые и высокопродуктивные культуры. Для массового дадут возможность наладить производство кормов для развития животноводства. На этой территории, расположенной в районах вечной мерзлоты, возникнут совхозы.

А. ШУЛЬГА. В начале нового года в городе начнется сооружение круглого завода по ремонту строительной техники. Готовится к реконструкции нефтеперерабатывающего завода. Ему достанет сырья лишь из скважины. Скажина БАМ свяжет завод с тюменским нефтью.

В. ПЯТЛОВО. Топливо для нашего завода «Амурсталь» — газут и мазут, а также покла из угля и кокса. Поскольку заводского местного нефтеперерабатывающего завода нас не устраивает. Но как только наш НПЗ получит тюменскую нефть и увеличит свою мощность, мы сможем отказаться от далеких поставок. Строительство магистрали позволит значительно расширить производство и логистическую работу. Пост через Амур надежно свяжет завод с такими поставщиками металлолома, как Камчатка, Магадан, Сахалин, Сахья с земными и водной энергией. Перегружается не два-три месяца, в зависимости от состояния реки. Мы снизим эту проблему.

Г. ДМИТРИЕВ. В Солнечном строится металлургический завод, первая очередь которого вступит в строй в начале следующей пятилетки. Это будет один из крупнейших заводов в стране. Мощность этого комбината, естественно, резко возрастет, и автомобильной дорогой мы уже не обойдемся. Но почему решение о строительстве Байкало-Амурской ма-

гистрыли встроено на нашем комбинате с особым вниманием? Мы сможем получить выход к железной дороге, и транспортная проблема, которая является для нас «узким местом», будет решена.

БАМ окажет влияние и на развитие самого Солнечного. Его население увеличится почти в десять раз. В тайге, в южносибирском месте, лентинрические архитекторы спроектировали современную город.

И. РОМАНОВ. БАМ вызовет заметный приток населения в наш край. Народ поселит сильный, предприимчивый, образованный. Вырастет общий уровень образования и культуры. Новая культура придет и на север края, в самые отдаленные якутские, эвенские селения. Да что говорить: придет о культуре — новая жизнь придет в эти края.

Л. ВОРОБЬЕВ. Не хотелось, чтобы мое выступлениешло вразрез с общим ходом разговора. Но поминать меня правильно: мне кажется, что у каждого города и поселка свой БАМ, своя работа. И не всегда для нас требуется работа. Пробую укладывать путь. Это может быть работа в новой столовой или на швейной фабрике, которая выполняет заказ для строителей. Я думаю, что не все это понимается. К нам из других городов, даже из очень далеких, приезжают ребята с горлицким глазами: «Согласны на любую работу на БАМ». Требуется не на завод, а на перерабатывающий. Он будет расширяться, там нужны люди, это тоже, если хочешь, БАМ. Ни в какую. Зорким в сфере обслуживания, не предпринимая легкой промышленности — всюду не хватает рабочих. Но «романтики» — народ упрямый. Или просят, или обрывают дорогу в пять тысяч километров: уезжают люди, которые так упрямы.

СПРАВКА. В Комсомольске-на-Амуре и Усть-Тунге в Тиминский и Звездный идут со всех концов письма. На них пишут чаще всего: «БАМ, начальнику» — пишут конверты просят, просят работы. И пишут работу. Лишь бы на БАМе, величайшей стройке века. Энтузиазм молодых людей, готовых на любые трудности и лишения во имя большой цели, радует. Но строительство не просто заблуждения, а работными высокой квалификации. Нужны не просто работники высокой квалификации, но именно с теми специальными, которые не обходятся. И БАМе сегодня. И нам же, БАМу сегодня нужно столько людей, сколько требуется в каждом месяце, с каждым годом БАМу потребуется все больше молодых строителей. Но сегодня много придется подождать. Однако опинание не должно быть безответственным. В настоящее рабочее надо готовиться заранее.

Ряд писем пахонего содержания публици и журнал «Смена». Деятельности Ирины Базарова из города Прокопьевска, Кемеровской области, «Смена» читает. Она пишет: «Смена, просят: «Ребята, стройте поселенческие допонидите нас! Дня нам чистить иголки, а мы не успеваем и буди выполнять любую нужную работу». Инициатором этого письма является представитель о БАМе: «Я заведу всем тем, что нужно. Но не все. Там много, что не умилуют смех, веселье, шуточки. Да, на стройке, звучат смех, веселье, шуточки. Но БАМ — прежде всего работа, и говорить обем надо и работе. Проще сказать ком-

сомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ Л. Воробьев: работать надо там, где ты нужен всею. «Наш горном», — пишет Ирина. И она извинилась, отказавшись помочь мне уехать на БАМ. Вот почему? Тем, что на Севере тоже нужны люди». Начинна с 1975 года в сооружении БАМа будет работать не менее 20 тысяч молодых рабочих. Но каждый может помочь БАМу отличной работой на своем рабочем месте.

А. ДЗЕХ. Когда прочитал в газете, что будут строить дорогу, говорю жене: «Ну, что, Дуня, прав оказался? А жена качает головой, смеется: «Ну, ты прав, ты, Побойкин...»

А дело вот в чем. Село наше было большое, и хозяйство солидное: шукле ли, снабжать молоком, ясыком, картофелем и оводами приноси, на которых работает не одна тысяча человек. Ну, и жили мы тоже неплохо. Тайга, река, сенокос — все рядом. И тут, как не грех, пошло, поехало. Заключна нас Селедья. Об этом год — наводнение.

В. УДОВЕНКО. С 1957 года помету перестали чистить ее русло. С тем пор и начались наводнения.

А. ДЗЕХ. Ага... Тонит и тонит. Да еще о один раз в год, а бывает, и два. Ну, народ один раз отстроился, другой, а там, глядишь, и на сторуку подается. Дескать, шибло дело — против реки устоять.

Народ уходит, рабочих рук все меньше, хозяйство наше идет в упадок.

В. УДОВЕНКО. Площадь подвода в четыре раза сократилась...

А. ДЗЕХ. Ну да. Вот Дуня моя, глядишь, как ты говоришь: «Давая бедность. Что мы тут, приязненные, что ли...» Легко сказать. Тридцать две года в кунице — это как! А дескать: давай здесь родили и вырастали! А каждая тропа вокруг замолит Молчу. Не спорю. Ни тут ни сюда, как говорится. Сам пригладалось, стороной узнаю от изыскателей: вроде что то намеряется. Вроде железная дорога. И станция будет. Февральск. Ну, слух слухом, а дела пока что нет. Селедья тут. Имена дома присутствуют.

И тут газета приходит весной. Докладывает, что мы тут, приязненные и покое. Через наше село. А раз дорога будет — значит, и Селедья в берега выведет. Так чего же уезжать? Теперь наоборот: к нам народ поедет. Стройка! Это вот каков.

Е. МОЛЧАНОВ. В сентябре (говорю точнее 20 сентября) на нашей станции Бама впервые остановился поезда «Россия». Теперь он останавливается здесь каждый день, по два раза в неделю. Об этом грузом перевозок за короткое время увеличился в шесть раз — это грузы для магистрали. Возросла протяженность подводящих путей. В поселке начались строительство капитальных домов. Намечено сооружение кирпичного завода.

В. ЛИСИЙ. При обсуждении перспектив разработки того или иного

месторождения всегда вставал вопрос как будни вывоза сырья на севере Иркутской области открыть посыле полиметаллических руд (она сопращисается с такой же зоной в Бурятии). Запасы значительные, но какими точно, мы не знаем — раньше даже не было смысла вести детальные разведочные работы. БАМ свяжет промышленность с этими месторождениями. Магистраль позволит разрабатывать запасы и такого ценнейшего сырья, как бокситы (их залежи были в свое время законсервированы), даст вторую жизнь и уже известным месторождениям. В сферу влияния дороги попадут Тимско-Чуйский сплюснутый и Ленский золотосный районы.

Д. КОСМАН. Страна получит возможность разработки месторождения меди — Удоканского. Его запасы были утверждены Государственной комиссией еще в 1964 году, но подступиться к Удокану оказалось невозможным. Единственная дорога туда — воздушная. БАМ пройдет рядом с месторождением, уже запланирована станция Удокан. Здесь будет создано предприятие по добыче и обогащению медной руды.

ТРЕБУЕТ

В. ТРУБАЧЕВ. Усть-Кут переживает сегодня как бы второе рождение. Отсюда, с западного участка, идет на восток стротели БАМа. Хурым майским утром на станцию Лена прибывает первый состав поездов. И с того дня комсомол города уделяет строительству магистрали пристальное внимание. Со Заведным долгие время была только вертолетная связь, но наши комсомольские активисты, агитбригады, лекторы были частыми гостями в таежном поселке. Помогли наладить бытовое и медицинское обслуживание, послали на трассу лучших специалистов. Не сразу, но все же заработали консультационные пункты на трассе, и преподаватели вечерней школы регулярно занимаются с учениками.

И. РОМАНОВ. Главная наша задача — закрепление кадров. Не завтра, а уже сейчас мы обязаны думать о том, что придет в наш край через год, через пять лет, через десять. БАМ — это своего рода зина качества. В бурных поисках прокладывает сейчас обслуживающие пункты будущим поселкам — они должны быть не только удобными, но и красивыми, как того требует сегодняшний день. Для БАМа, для устькотовского участка энергия восточного участка, готовая линия передат. В ближайшие годы на крышах самых северных поселков появятся телевизионные — таковы обязанности комсомола. Управление торговли и общественного питания внедрит прогрессивные формы обслуживания. Лучшие выпускники техникумов, техникумов, техникумов училищ будут работать на БАМе и для БАМа.

СПРАВКА. Основные кадры для строительства БАМа будут готовить профтехучилища. К 1978 году они под-

готовят и направят на строительные объекты около 43 тысяч человек. Из них 2 тысячи уже в 1975 году. Министерством высшего и среднего специального образования направят в 1975-1980 годах на строительство БАМа около 4300 молодых специалистов.

В. ТРУБАЧЕВ. Заказы и грузы, прибывающие на БАМ, везут под комсомольский контроль. Особенно надо отметить молодых портковиков и речников. Около десяти тысяч тонн груза надо было доставить по большой воде в поселок Магистральный, чтобы строителям могли подготовиться к зиме. И с этой задачей комсомольцы справились. Почти все грузы дошли до Магистрального по воде. Тысячи рублей сэкономили портковики и речники государству, сумев использовать паводок.

Ф. ШЕВЧЕНКО. Вот радиогарма из Февральского (это почти тысяча километров от Хабаровска): «Борт 31429 вышел из строя, полетит штуцер сульфирования РГД. Срывается переборка лагера, заброска спарит горючего. В тот же день, несмотря на неблагоприятную погоду, самолет доставил спешесрочные нужные детали. А рано утром, как только раскраснел туман, вертолет привез запасные части в Февральское. Через несколько часов отрядом из пяти МИ-4 поднялся в воздух, помогая изыскателям Мосгипротранса перебариваться на новом месте. Он доставил авиационный самолет, запасные вольты, горючее, все самое необходимое для людей, работающих в тайге.

Дальневосточное управление гражданской авиации старается сделать все возможное, чтобы изыскатели и строители, работающие на Байкало-Амурскую магистраль, получили от нас авиаторов, своевременную и эффективную помощь.

СПРАВКА. В Дальневосточном управлении гражданской авиации создан специальный штаб для обслуживания БАМа.

Ф. ШЕВЧЕНКО. На магистраль были направлены молодежные звенья из Хабаровска, Владивостенска, Владивосток, Николаевска-на-Амуре — кооперативные пункты. Обервали людей с высокой летной подготовкой, оценивали звенья по моральным, деловым качествам. Знали, что работать им придется в сложных условиях: авиационная база и авиаторов, совершать посадки в горах и на болотах, в тайге и на речных косах. Мы не ошиблись, тщательно подобраны кадры. Проработают на БАМе командиры В. Котов, В. Колондник, К. Жижич, бортмеханик В. Веретенников. Они и их товарищи наладят авиационное обслуживание тысяч тонн грузов.

А. ФАДЕЕВ. Ургал станет одним из опорных пунктов стротели. Сейчас готовится к примеру стротели, буринской стротели, стротели, расширяем хлебозавод, планируем реконструкцию колбасного. Открываем новые отделения связи, кинопередаточные комбинаты, пекарни, библиотеки. Старается оборудовать

реть все — чтобы и стротелим, и геологам, и изыскателям жились оклад домам.

А. СУХОВЕЙ. Мы, стротелим, народ колевой, да нас любая стротейка — дом. Но всегда ли он хороши? Редко какой оптимист подойдет к нашему книжному магазину: нет здесь книг. Формально-то они есть, но их можно смело забрать в макулатуру. А в первые дни работы магазина народу здесь толпилось побольше, чем в продовольственном или промтоварном. Когда была надежда купить что-нибудь хорошее. Я слышал даже возглас по поводу этой очереди: вот до чего дело дошло, не за холодильниками народ убивается, а за предметами культуры! С одной стороны, это действительно так. А с другой, очередь из проваленных отгорной, острой проблемы — дефицита хорошей книги. Это просто бедствие какое-то — среди стротелим множество библиофилов, а купить книги негде. Редко-редко повзвизгивают что-нибудь стоящее (в трех—пяти экземплярах). Всякому ясно, что люди, занятые на работе все день, лучших книг не видят.

В какой-то мере помочь стротелим в этом призвана только что укомплектованная библиотека, существующая при нашем «Юности». Но, несмотря на то, что книг на полках библиотеки стоит много, удовлетворить спрос читателей она в состоянии.

Как только было принято решение о ее создании, мы перевели 5 тысяч рублей в адрес московского магазина «Молодая гвардия» в надежде, что столичному магазину богатая столица не поведает. Надо сказать, что на год нашей библиотеке выделяется всего три тысячи рублей, но мы выискали пять тысяч, не пожалев денег, лишь бы получить драгоценные книги. Переговорил с директором магазина «Молодая гвардия», объяснил, почему выискали на одну тысячу нужную художественную литературу, а на остальные — политическую и техническую.

И вот, проделав шесть с лишним тысяч километров, пришли долгожданные посылы. Получаем один ящик — сотни каких-то непрошених брошюр; другой — учебники по botanice (12 экземпляров) и руководства как сель хорды. Да не просто руководства, а изданные для фабрик — там все в тоннах и центнерах. Еще смотрим: книги по мясо-молочной промышленности, справочник по производству шоколада, анимационные медицинские учебнички... Только небольшая часть книг оказалась нужной.

Нам, конечно, приятно, что работники «Молодой гвардии» за широту читательских интересов. Но мясо-молочная промышленность — это слишком. Во всем нашем Дивелитовском районе существует три колхоза, и те оленеводческие. Да и библиотекакомплектовалась для стротелим. Но не о них заболитись работники прилавка, отсюда ненужную и даже ценную (хоть и новую) литературу, а

о себе — видно, хотели, ползулись удобным случаем, очистить завали на складах.

В адрес БАМа приходят посылки с книгами, их шлют люди, нам совершенно неизвестные. Они хотят быть хоть чем-то полезными стротейке века. Досадно, что такую заботу не испытывали работники столичного магазина, для которых работа о читателя — прямая обязанность.

СТАВит ПРОБЛЕМЫ

Ф. БИБИН. Не следует забывать о реальных проблемах, которые неизбежно ставит сама стротейка и эксплуатация дорог в будущем. Леса севера Читинской области отнесены к третьей группе. Это значит, что там разрешены любые рубки. И стротейки и стротелим будет нужен лес. А это поручится, что стротелим будут соблюдать меру, скажут рачительными. Мы озабочены известием, что вдоль трассы намерено открыть десятки новых лесхозов. Не является ли эта цифра чрезвычайной? Представляется необходимым рассмотреть вопрос о переводе хотя бы части лесов вдоль трассы во вторую группу, где рубка разрешена только в размере годового прироста.

Л. КУДЕЙНИН. Что верно, то верно. Дорога — дело хорошее. Только как бы так сделать, чтобы с такой оживленностью обходился! Соболь, белка, медведь, кожда численность сократится, уйдет в глушь тайги, они шума не любят. Но если лес повубьреть, и птицы улетят, и сохатый уйдет, и лод не стает.

М. ПЕВЕСОНОК. Моя точка зрения может показаться очень узкой, это точка зрения человека, который много лет занимается наблюдением за животными. Мы должны к каждому ясно, что стротейка — это новые открытия богатства, новая жизнь. Но это и — новые пожары. В наш край приходят люди на стротейку, но не все они имеют средства, а давнешних мест зароботок механизмы. Иногда иногда искры достаточно, чтобы загорелся сухой мох. Для новых людей тайга, на первых порах будет просто скоплением деревьев. Они не сразу узнают, как мелководно вырастает в наших местах малаякшая мусть, не та что к дереву. Эти люди, когда начнется точка осторожности. Здесь требуется планомерная разисыслательная работа. И вторая сторона вопроса: заранее нужно подумать об оснащенности пожарных дружин.

О. ПАВЛОВ. Строительство этой магистрали по праву считается беспрецедентным. Не только потому, что Большая тайга, которая будет проходить на вечной мерзлоте. Участок магистрали от Байкала до Тынды пролегает в зоне высокой сейсмичности. Во все времена ища колхоз Южиское землетрясение 1957 года, как одно из сильнейших в мире. В 1959 году в районе Байкала разразилось девятибалльное землетрясение, а эпицентре которого произошло смещение

дня на 15 метров. По всей вероятности, подобные явления будут повторяться.

Дело осложняется тем, что мерзлота, особенно в зоне вечной мерзлоты, повышает сейсмичность. С большинством речных долин, которые пересекает трасса, связано существование тайги, мест, где мерзлота выталела. Тайги идут сюда наиболее разнообразно. А между тем через реки и долины предусмотрено сооружение мостов. И расчеты при их проектировании придется вести исходя из того, что берега и русла мостов опоры при землетрясениях будут испытывать разное напряжение. Строительство потребует оригинальных инженерных решений, учитывающих конкретный характер риска.

Надо сказать, до нынешнего года контакт наш с проектировщиками был слабым. Сейчас положение изменилось. По заказу Минтрансстроя составлена программа сейсмологических исследований, которую предстоит выполнить в самые сжатые сроки.

В. СКАЛОН. Девять десятых земель, прилегающих к трассе строящейся дороги, представляют собой целину, так как почти не подвергались воздействию техники вооруженного человека. Это дает возможность осуществить эксперимент мирового значения: доказать, что в условиях социализма можно строить, не разрушая внешнею среду сверх строго необходимого. Это представляется тем более важным, что трасса проходит в районах Севера, где лес восстанавливается крайне медленно. На юге караган вырастает за год на 20—30 сантиметров, в березы в районе БАМа — от силы на полтора сантиметра. Если строительство магистрали не будет проникнуто идеей охраны природы, то есть все основания считать, что на огромных пространствах утвердится так называемая «биологическая пустыня».

До сих пор бытует мнение о неперспективности земель Сибири и Дальнего Востока. Это миф. Лес рубят вырубками без остатка. При таком хозяйствовании его запасы истощаются уже в обозримом будущем. По нашему мнению, в обозримом будущем расширяться как потенциальная природная зона (II группа лесов).

В тайгу иногда без особой необходимости гонят бульдозеры, вездеходы, которые складывают слои почвы вместе с вырубкой стамбуком. Этот слой (в лесодушу шириной), как шубой, прикрывает склоны сопки, укрепляет их, сохраняет мерзлоту. Строя (сколько среди строителей туркостов), мы должны почва по возможности ответственно мяться снегом и дождевой воды. Это грозит дорогам постоленным селами и обвалами.

Какой же видится выход? При Главном управлении строительства БАМа необходимо создать отдел охраны природы (он должен иметь свой оперативный бюллетень). При отделе был бы познакомлен консультантом от выполнения плана, но и соблюдения природоохранных мер. С такой же точки зрения уже сейчас должны рассматриваться и все проекты строительства.

БАМ — СТРОИКА ГРАНДИОЗНАЯ. СФЕРА ВЛИЯНИЯ БУДУЩЕЙ ДОРОГИ РАСПРОСТРАНИТСЯ НА МИЛЛИОНЫ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ. В РАМКАХ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ, КОТОРЫЕ СТАВЯТ СТРОИТЕЛЯМ БАМ, МИНИСТЕРСТВА, ИНСТИТУТЫ, ЗАВОДЫ, ФАБРИКИ, НАШ КУРС — НАЗНАЧЕНИЕ ЕЩЕ РАСШИРИТЬ УСПЕХ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАБЫСИТ ОТ НАМНОГО ИЗ С. БАМ. НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО. ЕГО ЗАБОТЫ — НАШИ ЗАБОТЫ, ТВОИ И МОИ.

Геннадий НИКОЛАЕВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава шестая, рассказанная Виталием Кругликовым

Раньше, до диамата, сказали бы «честная сила», и точка. Теперь так просто не отделишься. Сожалелю, давай и пока не имею какой-нибудь удовлетворительной типотемы относительно своего совершенно idiotского поведения, поэтому ничего не остается, как провозгласить о наличии у меня еще одного «пунктика», кроме всех тех, которые уже известны. Новый «пунктик» начался в ту ночь, когда раздался звук. Янис уже хорошо тут говорил о «комплексах», могу добавить от себя: у меня было все то же самое и плюс внезапное изменение всех моих прежних принципов. Они словно растаяли и истерились в один миг. Даже этот вот, классический: не торжась подирать свой авторитет, за тебя это сделают твои подчиненные — даже он не устоял, и, как видите, такие печальные последствия.

Наступала четвертая ночь. После заката, как обычно, с озера поднимал туман, потом разнсылились, высветили звезды. Мы с Ириной пошли к пеленаторам. Зоя осталась дежурить по лагерю, возле большого Яниса. Старик накопавшийся вороней силой у костра и глушма чаша — кружку за кружкой.

До восхода луны оставалось еще около часу, озеро было необычайно, круглое, как чаша спортивной арены в Алушниках, и мы с Ириной план не торжась, утврждаем, что не сподобились. Я развел за ей от своих переживаниях. Она равнодушно сказала, что ей тоже все это кажется странным. Меня испротиво задел ее безразличным тоном, но я промолчал.

Мы пробрались сквозь чапу, которая у нас была слабый всплеск. Так могло плынуть рыба, но я знал, что рыба в озере нет. Предупрежден знаком Ириной, чтобы не двигалась, я осторожно пролез к берегу и стал осматриваться в туман, привычно колыхавшийся над водой. Увы, ничего не было видно. Мы постояли, прислушались, но все было тихо. Я выбрался из зарослей, и мы пошли дальше.

Вскоре повисла огонь горшей вломачка лампочка — это был первый пеленатор. Возле него остался Ириной. Я шагнул ко туману. Ходыба до него было не более четверти часа, но я, специально не включая фонарик, шел медленно, осторожно, прислушиваясь к малейшим шорохам, напряженно вглядываясь в смутно видимые впереди контуры деревьев. Уже десять, пятнадцать минут прошло, а огонька горшей лампочки все не было видно. Тревожные предчувствия чего-то грозного, неизменно, как всегда, быстрое, явное. Я включил фонарик, прибавил шугу и в тот же момент валетел на треногу второго пеленатора. Пораженный, я с минуты смотрел на разгромавшийся прибор, не веря своим глазам. От сложного измерительного комплекса остались рожки да ножки: подставка, тренога да болтающиеся обрывные провода. Сам пеленатор и батареи бесследно исчезли. Ясно, что здесь мне ничего не было делать, и я немедленно быстрым шагом пошел обратно, к первому пеленатору. Огонек я заметил издали, но, когда подошел ближе, обнаружил, что, к моему величайшему удивлению, возле прибора ничего не было. Помимо, первым моим чувством была мысль: какого черта, ричка и, вдумываясь, ей бегать куда-то, когда вот-вот начнется звук! И вечно так: ничего нельзя доверить этим женщинам! Я чувствовал, как во мне созревал еще один принцип. Расширившийся, я стал громко звать Ириной, кричал во все горло, но туман, горное эхо мчало вправо в этой жуткой черной яме. Я стоял в растерянности, но знал, на что решиться. — То ли кинуться на поиски жены, то ли остаться возле прибора. Варут повелю прожидать,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

небо засветилось, восточный хребет внезапно возник из мрака густой черной громоуды. И в тот же момент раздался звук. Он быстро нарастал, набирая силу и громкость. Я принял к прибору ночного видения. На середине озера, среди кочек тумана покачивался плот, на нем стояли приплывавшая, размахивая руками, какой-то человек. Я тотчас узнал его: «Янис! Подъем!» — взревел я. Мне все стало ясно. Я бросаюсь к воде, но тут сильный толчок сотряс землю. Я еле удержался на ногах. Всама, за первым толчком последовала вторая, и началось светострельвание: все кругом закатилось, запылало, запылало. Я утис и попался по коммунистическому, держащемуся поод мой скамью. — То ли вниз, в озеро, то ли вверх, на зубья дымящегося хребта. Рядом со мной, на берегу, мне аскала, грохотали камни, все затруило пылью, я прыгнул и почувствовал, что погружаюсь с головой в воду. Выпрыгнув, я быстро поплыл на середину озера, и с каждым взмахом, с каждым ударом вперед я ощущал все более и более сильную жажду сделать с Янисом что-то такое, после чего он никогда, никогда бы не поспея своеволиничать.

Рев, грохот и вой продолжались. Озеро как бы дрожало, мелкие волны беспорядочно пыхтели, становясь и гася друг друга. Яркий азурный свет освещал дымящиеся горы, рыбью поверхность озера, качающуюся лед.

Я подплыл к плоту. Янис сидел на балоне. Варут он вынырнул рядом со мной — с двумя горшками фонарями, в маске, с кислородными балонами за спиной. От баллонов к маске тянулись гофрированные трубки. Янис дернулся от меня, но не тут-то было: я схватился за эти трубки и стиснул их, что было сил. Он как-то странно завопил в воде и ударил нагнув мне на голову что-то вроде шеста. В тот же момент мне сильно дернуло, шест сдвинулся, и я выплыл трубки. Меня поволокло куда-то, я захлебнулся, хотел закричать, но не было воздуха. Кажется, я потерял сознание. То, что происходило со мной потом, — это так странно и так не связано с настоящим, что утверждать, будто прямо из озера я попал в пещеру, не имею оснований.

Продолжение. Начало в №№ 21, 22.

Глава седьмая, рассказанная Ириной Кругликовой

Никога бы не поверила, что я человека, будем говорить конкретно, в данном случае в моем муже, Виталий Кругликов, столько всего запрятано. Я имею в виду «спустики». Можно вытерпеть его оборотом, его магнитофонные записи, его дурацкие принципы, которые он выдумывает сам на свое голову — все можно вытерпеть, но worst... Чтобы мой муж скатился до такого — нет, это уже выше моего сил. Как только исчезли продукты, я тутчас, вглядуши в его безгубице глазаки, пошла все, то есть что это его работа. Я звала его за руку и повела к озеру. Он шел и хныкал, как ребенок. Я толкнула руку и сказала, что немедленно, прямо сейчас разведусь с ним, если не признается во всем и не покажет, куда спиритика украденные продукты. Он повалился на колени, мычала что-то неадекватное и показывала куда-то на другой берег озера. «Веди!» — приказала я. Он потянулся по тропе, оглаживаясь на меня и что-то ворча. От недоговаривания, от поозра и была галуха и слеза. Как мы шли, где мы шли, ей-богу, не помню. Наконец, после карабкания на скалы он остановился перед огромной каменной гальбой, стоявшей у вертикальной стены. Я думала, что он решил передохнуть, но он вдруг схватился за эту гальбу и — откуды у мужика столько силы! — отодвинул ее, открыв вход в пещеру. Я хотела шагнуть внутрь, но он вдруг как зарычит — оскалился, как зверь какой-то. Я перепугалась, но не поддавая вше. «А ну, говорю, младый мой, вытаскивай все, что спрятано». Он схватил меня за руку и силой затаскивал в пещеру. Господи, никогда бы не подумала, что у меня столько странний муж. И правда, там было так уютно... Он просил, умолял меня не трогать продукты, обещал отады мне половину, совал брикеты с гречневой кашей, банки тушенки, которые он выкапывала откуды-то из угла пещеры. Мне было страшно, но и как-то интересно... Вот тут самый загадочный для меня момент... Короче, он меня убедил... Стадно в том

признаваться, но тогда мы съели с ним по банке тушенки и по два брикета гречневой каши. Позор, да! А что я могла сделать? Вообще. Виталий теперь для меня загадка. Как можно за какие-то несколько часов так сильно перемениться? Из доброго, покладистого, демократичного вдруг превратился в злого, хитрого, жестокого...

Особенно меня тревожили его взаимоотношения с Янисом. Как известно, Виталий вернулся к костру позднее всех, подавленный чем-то и с подавленным лицом. Я спросила его, где он был и что с ним случилось. Он сидел в палатке и, забавно поглядывая на меня, молча улапывал кашу. Я ждала, что он скажет. Он ел. Тут в палатку проснулись Янис и тоже поинтересовался, что с Виталием. И вдруг Виталий, прижимая к себе миску, провинно отполз в дальний угол и стал ругать Яниса на чем свет стоит — десятка, тот салдит за ним, не доверяет, командует, оскорбляет, жалелт для него кусок хлеба, попрекает едой и так далее и тому подобное. Янис слушая, слушая и тоже не выдержал да как зарычит: «Замолчи!» Никогда я не видела его таким. Даже когда пообедали — просто ужас какой-то. Ну, думаю, сейчас начнется вистрива. Но нет, Янис пересилил себя и спокойно так, но странно комодно говорит: «Виталий, очень прошу, возьми себя в руки. Поинимашь!»

Второй раз они сквятились из-за выбора пути обустройства источника. Виталий считал, что прежде чем лезть в воду, необходимо провести тщательные замеры, чтобы как можно более точно определить местоположение источника; Янис же из каких-то своих соображений настаивал на немедленном обследовании дна озера по результатам первого замера. Я сказала, что, наверное, прав Янис, потому что кислородные аппараты у нас были примерно место известно — зачем гянуть? И тут Виталий буквально раскричался, Я была поражена. Обычно широко, добродушное, с круглыми валам подбородком и большими голубыми глазами, его лицо вдруг заострилось, вытянулось, главным образом за счет челюсти, которая сплюснелась и резко выдвинулась вперед, глаза ушли вглубь, сузились, брови как бы вздохмати-

лись и грозными валиками нависли над мрачно торжественными глазами, нодрн раздвинулись, стали шире, кругаме и было видно, как они трепетали. Я со страхом смотрела на него, и внутри у меня бурьвало выла сирена. С Янисом произошло тоже нечто странное: он присел, полпятился и быстро исчез куда-то, словно его и не было.

И вот вечером за два дня до катастрофы ко мне подошла Янис и сказала, что хочет со мной поговорить. Мы пошли к озеру. По дороге он рассказывал о своем плане не тянуть с поисками, а при следующем же поповлении звука искать источник в воде при помощи плавнатора и с аквалангом. Только плавнатор надо отделить от тревоги и прибора ночного видения, чтобы просто держать в руках. Он сказал, что убежден в том, что озеро является резервуаром, в центре которого находится небольшая и, видимо, нетяжелый источник звука. Си полпросил меня помочь ему проверить в нескольких сечених профиль дна озера. Я соглашалась, и мы, не откладывая, пошли к нижней «пристани», сами на палат и медленно поплыли от одного берега к другому. Я чуть-чуть гробла, Янис при помощи грузила и капроновой веревки следил за изменением глубины. Таким образом, мы исследовали озеро по трем направлениям — Янис альвовал: дно озера представляло собой почти идеальную чашу.

Утром, накануне катастрофы, пока все спали, мы ушли на озеро и договорились, как будем действовать в случае поповления звука. Еще двое мы приворосились болыным, чтобы не влезали Виталий, и перед самым заходом солнца перенесли аквалант и веревку побайке к палоте. А когда стемнело, демонстрирует один плавнатор. Я должна была прийти на «пристань» и подтянуть к берегу палот, который Виталий еще днем установил на середине озера для наводки прибором ночного видения. После этого я, чтобы не вызывать подозрений, должна буду вернуться к костру и после захода солнца пойти с Виталием на дежурство к ближайшему плавнатору. Если звук попятится, я должна буду мчаться со всех ног к «пристани» и страховать Яниса на случай, если что-нибудь случится с аквалангом. Все у него было расплано как по но-

Рисунок Леонида ТИШКОВА

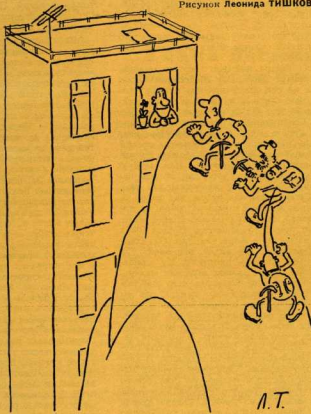

Рисунок Владимира ИВАНОВА и Виктора СКРЫЛЕВА

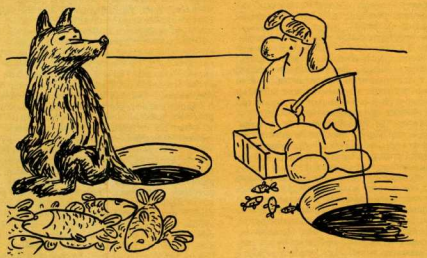
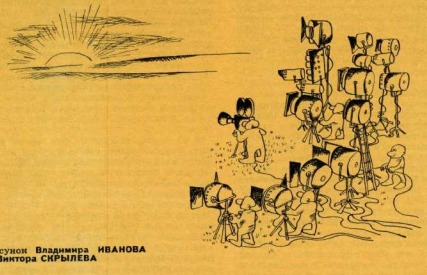

Рисунок Евгения МИЛУТИНА

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

ПЯТЫЙ ТУР

(Началом см. в «Смене» №2 № 2, 7, 13 и 18)

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в четыре хода (2 балла).

II

Белые: КрФ8, Фд4, Лб6, Кf4, Нб5, пп. е2, е3.
Черные: Крб8, Лсб8, Сб8, Нс7, Кс6, пп. h5, h6, e3, f7.
Каковы образом быстрее всего белые могут объявить мат? (3 балла).

III

Обратный мат в пять ходов (3 балла).

ЭТОЮ — ВСЕГДА КРАСИВО

Белые начинают и делают нитью (3 балла).

II

Белые: Крс1, Кр2, пп. a2, b3, с4, d2, h8.
Черные: Крв8, Св3, Кв5, пп. h5, с6, f7.
Белые начинают и выигрывают мат (3 балла).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ!

Белые: Крб1, Фд8, Лс2, Сf4, Кс3, пп. a2, b3, с2, f2, g2, h3.
Черные: Крв8, Фс4, Лсб8, Сб8, пп. e7, h5, d4, e7, h7.
Ход черных. Могут ли они, находясь без фигур, добиться чего-нибудь путного? (2 балла).

II

Белые: Крв1, Фд4, Лд1, Лс1, пп. a2, b2, f4, e3, g3.
Черные: Крб8, Фб7, Лсб8, пп. e7, h6, e3, f5, f7, h6.
Ход черных. Каковы шансы сторон в этой позиции? (3 балла).

Жюри напоминает участникам симпозиума о необходимости основные варианты приводить в полной шахматной нотации, а второстепенные варианты и отдельные применения — в сокращен-

ной нотации с иеронной строки. В случае обнаружения победного (или ничейного варианта) ответа или пережато участнику предоставляется сумма баллов, обусловленная для правильного решения данной композиции. Заполните, пожалуйста, строки отправления в адрес нашей редакции, после на пути, заключительный тур XVII шахматной олимпиады: с 25 декабря 1974 по 10 января 1975 года.

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Приводим в сокращенном виде решения шахматных позиций предыдущего, четвертого тура нашей олимпиады, опубликованных в № 18 «Смены».

Задачи — 1. Крб5—h3; 1. Сс5—e3, Сс6—e7 2. Фг7—f6! Квд3 3. Лб5—с5. Этюды — 1. Крв8—e4! Квх5-f4 2. Квд8—f5; 3. Крв8—e4, Ксд8—f3! Лf3-f4 4. Кв5—f6+ Крв4—e3 5. Квб8—f5+ Крв1—f2 6. Квб4-Лb3—h7. Кд1—f2 Лb3—f3 8. Кf5—h4+; 1. e6—e7 Сд7—e2 2. с5—e3 Кd5—e6 3. с6—с7 Крв8—d7 4. Крв3—b6 Кd4—f5 5. e7—e6-f4! Сд6—e6. Крв8—b7 Кf5—e1 7. Кс4—с5. Фрагменты из гранитов — 1. Лс2—f2 2. Крf4—d4 Квд4 3. Лс3-f3 Лf2—f1 4. Лd1-f1 Фд4—с4+! с непрошеным матом. 1. Кс4—e2 2. Крf4—e3 Крв3—с4 3. Крf3—d4 Крв8—b4 4. Крв8—с3 Сд4—d4 5. Лb6—e6 Сd4—e1 6. Аd—e5 Сd4—e7 7. Лб6—d4 Крв8—f3, e4 Крв8—b6 8. e4—e5 Крв8—b6 9. Крв4—с4 Сd4—f2 с ничьей.

ЧЕМПИОН МОНГОЛИИ

Учеником в Москве победителем МНР 1974 года стал молодой шахматный мастер Ж. Лхагва. Учено было двух лет от закончился в Московском институте физкультуры. Типичной для эмоционального юности игры нового чемпиона Монголии служит его партия с известным международным мастером Т. Уугуемором. Вот как выглядит финал этой острой схватки, а востор Лхагва еще в дебюте в центре быстрой мобилизации сил номерировал исходные две пешки. На диаграмме — положение, сложившееся после 16-го хода черными.

17. Лd1—e1 h7—h5! 18. Фd4—f5 Крв8—h7! В трудной позиции черные пытаются и «льют воду на мельницу» противника. 19. Кв8—f3 Фв8—e8 20. Сд8—e6 e7—e6 21. Кf4—e6—Крв8—e2! Кс7—f6! Фд4—e6 23. Кс7—d5 Сс7—f4 24. e5—e6! f7—f6 25. Кd5—f1, и черные сдались перед лицом неотвратимого мата.

«ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА»

Символическая оккупация, посвященная боевым подвигам конницы русских партизан (бесные выходы) против японских захватчиков (черные) в Отечественной войне 1812 года, была составлена первым русским шахматным мастером Александром Дмитриевичем Петровым в 1794—1807 гг., на 180-летие со дня рождения было отмечено в этом году.

Белые начинают и дают мат в 12 ходов.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 233-30-87

Сдано в набор 18/Х 1974 г. А 00872. Усл. печ. л. 5,60. 974-3022, л. 11,65. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125085, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Подписано и печатано 11/Х 1974 г. Формат 70 × 108/16. Тираж 1 150 000 экз. № 2227. М. 2027.

ЗА НАМИ ИДЕТ МАГИСТРАЛ

Музыка Анатолия БАЕВА

Слова Геннадия ГЕОРГИЕВА

Таежные задумчивые реки
и кедров величавых высота...
Наверно, друг, отныне мы навеки
запомним эти дивные места.
Сроднила нас неслеткая работа,
горячие и дерзкие дела.
Одна мечта,

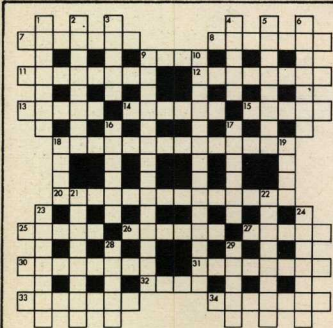
одна у нас забота:
чтоб сквозь тайгу дорога пролегла!
Припе:
Ни дождь нам, ни ветер
не страшен,
уходим в таежную даль.

Байкало-Амурская маха,
Байкало-Амурская маха
за нами идет магистраль.

Во все века для нас, первопроходцев,
проложен путь не было и нет,
Бывает так, что тучи скроют солнце

и снова ветром встретит нас рассвет.
Ни рук своих, ни сердца не жалел,
мы вновь идем в атаку на тайгу!..
В поэмы строек мы вписать сумеем
стальной дороги звонкую строку.

Припе.

КРОССВОРД

Составил А. ВЫСОЦКИЙ,
г. Ленинград

По горизонтали:

- Конструкция автомобиля для подвески кузова.
- Грибок Енисей.
- Город в Тюменской области.
- Коренной обитатель страны, местности.
- Озеро на юге Швеции.
- Сосуд для жидкости.
- Часть друга.
- Вес товара без упаковки.
- Синтаксическая единица языка.
- Ученик, школьник.
- Костюм танцовщицы.
- Остов сооружения.
- Ценная промысловая рыба.
- Город в Великобритании.
- Подлинник.
- Южное лиственное дерево.
- Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души».
- Река в бассейне Печоры.

По вертикали:

- Скульптор, лауреат Ленинской премии.
- Кормовое бобовое растение.
- Пыльца М. Горького.
- Охотничьи орудия.
- Композитор, автор «Гимна Международного союза студентов».
- Морская черепаха.
- Увеличение производительности труда, хозяйства.
- Чтоб исполнить художественных произведений в сопровождении музыки.
- Озеро в Литве.
- Пресноводная рыба.
- Криволинейное перенытие.
- Порт на Азовском море.
- Тесный союз, сплоченность.
- Врожденная форма поведения животного.
- Город в Харьковской области.
- Пролежень между Балканским и Апеннинским полуостровами.
- Ответственность горной цепи.
- Североамериканский дичий бизон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- Фигура.
- Рустави.
- Модификация.
- Шельф.
- Бродяга.
- Рельс.
- Рисерма.
- Оптиметр.
- Торка.
- Крель.
- Хижака.
- Диссертация.
- Вельков.
- Хоролов.

По вертикали:

- «Жигули».
- Гривна.
- Тригонометрия.
- Конференция.
- Гидротехника.
- Альберт.
- Влюминг.
- Шельф.
- Бланк.
- Нюдор.
- Сатча.
- Снежок.
- Аносос.

Внашей агитбригаде тринадцать человек, — говорит Юра Кочков, секретарь комитета комсомола Хабаровского медицинского института, командир агитбригады ВЛКСМ и трибунета. — А что, много счастливых? Студенты-медики — педагоги, провизоры, лечебники, они же певцы и танцоры, исполнители стихов и эстрадных номеров — приезжали на БАМ с большой концертной и лекционной

ТРИНАДЦАТЬ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

программой. Для Хабаровского медицинского этого маршрута становится традиционным: 14 студента старших курсов во главе с преподавателем отправились летом работать в район строительства Восточного участка на Транссибире; комитет комсомола разработал план шестисюльной лекционно-спортивной — провела субботники, подобрал библиотечку.

Агитбригада приехала на доселе дикую Ургалу, где со временем будет крупный металлургический узел, пока очень трудно с жильем, и сту-

дентам поселком в старом здании Дома культуры. Когда утром они ушли в лагерь, у молодых за два месяца, как-то словоохотливая женщина кричала: «А-а, артисты, погорело в театре! Артисты артисты, ребята, а гостиницы поселка, а аа!» Вечером студенты выступали перед землячками и интеллигентными станционного поселка. Зап приняла их восторженно. Правда, в зале не было той своеобразной ургальной незнакомости. А жаль...

Виктор БЕЗЯКОВ

